

М. Ф. Ершов

ОЧЕЛОВЕЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОБРАЗЫ И ЛЮДИ ЮГРЫ

Ершов Михаил Федорович,

кандидат исторических наук, доцент, действительный член Русского географического общества, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории и этнологии БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (г. Ханты-Мансийск). Область научных интересов: историческая география, историческая урбанистика, историческая имагология, история городов Зауралья. Автор свыше 300 научных и научно-популярных публикаций, в том числе нескольких монографий.

Адрес электронной почты: mfershov@mail.ru

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ХАНТЫ-
МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ОБСКО-УГОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

М. Ф. Ершов

**ОЧЕЛОВЕЧЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ОБРАЗЫ И ЛЮДИ ЮГРЫ**

Ханты-Мансийск
2018

УДК 930.85
ББК 63.3 (2Рос)
Е 80

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
РЕДАКТОР –

А. Г. Киселев – доктор исторических наук, главный научный сотрудник БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Л. Г. Скульмовская – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры»;
В. И. Сподина – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Е 80 **Ершов М.Ф. Очеловеченное пространство: образы и люди Югры: монография.** – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 114 с.

Монография посвящена социокультурной эволюции образов очеловеченного пространства. Анализу подвергнуты генезис и последующее развитие образов Югры. Рассмотрены специфические черты персонифицированных и пространственных образов, закономерности их эволюции, возникновение новых образов «поверх» старых.

Реконструкция судеб исторических лиц и их образов послужит основой для дальнейших исследований, может быть использована в проектной работе по брендингу территорий. Монография адресована культурологам, искусствоведам, специалистам по урбанистике, учителям истории и мировой художественной культуры, всем, кому интересны и небезразличны судьбы Югры, Сибири, России.

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

- © М. Ф. Ершов, 2018
- © БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2018
- © Оформление ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018

ISBN 978-5-6042174-4-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава первая. Образы пространства.....	11
1.1. Югра в Большой России.....	11
1.2. Эволюция образов Югры	24
1.3. Аборигены и их образы	35
Глава вторая. Люди и образы	44
2.1. Тугарин Федоров: сибирский провинциал	44
2.2. Константин Носилов как Франциск Ассизский.....	52
2.3. Яков Рознин: Петр Великий на Иртыше.....	71
Заключение.....	101
Список использованных источников и литературы.....	102

Введение

Исследовательский инстинкт (познавательная потребность), равно как и инстинкт самосохранения, – мощные факторы мотивации, которые нередко полностью определяют поведение человека [Гарбузов, 1999]. Эта аксиома опосредованно связана с потребностью индивидов символически маркировать обитаемое пространство. Дело в том, что процессы познания реализуются по преимуществу экстенсивно или территориально. Это содействует миграциям, которые в свою очередь ведут ко встречам с опасностями в малознакомой местности. Такие различия в инстинктивных потенциалах теоретически способны спровоцировать катастрофические последствия, чего обычно не случается.

На помощь приходит культура. Она создает определенные демпферные механизмы. Так, в частности, при освоении пространства одновременно происходят его объективация (детализация, опредмечивание, превращение в объект восприятия) и его субъективация (формирование познавательных образов, преобразование материального в идеальное) [Каган, 2018, 128–129]. М. К. Мамардашвили, дополняя К. Маркса, определял подобные феномены как превращенные формы и доказывал, «что сама эта косвенная фигурация, не являясь просто частью субъективного мира, от которой объективный анализ мог бы отвлечься и которой он мог бы пренебречь в изображении “действительного положения дела”, выступает, напротив, как вполне самостоятельный, отделенный в пространстве и времени предмет, “сущность”, объективная роль которой как раз на этом преобразении и извращении действительного основана и которая именно его делает неразложимым, индивидуально-цельным элементом самой же системы» [Мамардашвили, 2011, 247].

Баланс между достоверным и недостоверным знанием или между безопасностью и вероятной угрозой увеличивает значимость образов. Они замещают отображаемые ими реальные

объекты. Образы, сформированные на основе социального опыта, со временем перевоплощаются в систему стереотипов, которая и сама становится социальной реальностью [Lippmann, 2007].

Региональная идентичность связывается с восприятием территории и проживающего здесь социума. С одной стороны, региональные образы всегда есть фиксация объективных реалий. С другой же, они не являются неизменными зеркальными отображениями. Любые образы всегда связаны со стереотипами, они субъективны, активны и исторически изменчивы. Соответственно, у образов имеется своя «человеческая» история. Данное обстоятельство допускает постановку ряда вопросов о закономерностях, которые обуславливают наше восприятие общностей и территорий.

Исследование образов не относится исключительно к академической проблематике. Оно переплетается с рассмотрением брендинга конкретной территории и самосознания проживающего здесь населения, этнической идентичностью и исторической памятью. Данная проблематика особенно значима для окраин и осваиваемых пространств. Сегодня актуальность данных вопросов не вызывает сомнений. В XXI в. ценность человеческого ресурса многократно возросла. Мощь технических сооружений перестала быть доминантной в череде значимых образов. Остро потребовались навыки личной сопричастности с миром людей и способы самоидентификации в быстро меняющихся социальных связях.

Вышеприведенные рассуждения подводят нас к цели проводимого исследования. Она заключается в раскрытии особенностей восприятия региональных образов Югры. При этом объектом исследования оказывается не только прошлое региона, но и судьбы конкретных лиц. Предметом исследования стала социокультурная эволюция пространственных и персонифицированных образов.

Достижение этой цели возможно при последовательном разрешении значимых задач: изучении места Югры в Большой Рос-

сии и воздействия российской колонизации на формирование и социокультурную эволюцию региональных образов; выявлении типичных черт в образах как коренного населения, так и в образах пришельцев на осваиваемых территориях. К задачам данного исследования относится также реконструкция биографий исторических персонажей, знаковых для Югры. Для усиления узнаваемости использовано соотнесение их жизни с иными «громкими» образами, хорошо воспринимаемыми массовым сознанием. Такой прием не нов и постоянно используется в брендинге.

Сообразно с этим особое место в исследовании занимает освещение биографий ряда исторических персонажей, чья жизнь связана с прошлым региона (время Московской Руси, Российской империи, Советского Союза). Как историческая память задает параметры образов исторических лиц и обуславливает их изменения? Каковы типичные черты данных образов? И как именно субъективное восприятие прошлого способно воздействовать на нашу жизнь?

Ответы на поставленные вопросы лишены однозначности. В монографии предложены возможные объяснения мотивации поступков исторических лиц. Нарочитый схематизм объяснений позволяет, однако, рассмотреть судьбы конкретных людей в их динамике и выйти за пределы однозначно понимаемых плоскостных образов. Кроме того, данный подход может быть перспективен для брендинга Югры.

Хронологические и территориальные рамки настоящей работы не предполагают наличия жестко очерченных границ. Первые из них – хронологические – простираются от XI до первой половины XX в. Вторые – охватывают то пространство, которое было связано с жизнью югорского населения.

Нет необходимости доказывать, что классические, строго формальные исследовательские методы при изучении человеческого пространства и его образов работают далеко не всегда. Невозможно отказаться от образного языка при исследовании самих образов. Иногда обезличенная «алгебра» должна потеснить-

ся перед олицетворенной «гармонией» и художественной метафорикой. Но это не означает, что следует непременно избавляться от академических традиций; нам по-прежнему необходимо использование проверенных временем методологических оснований:

– историко-генетического метода, который акцентирует внимание на преемственности с прошлым и контексте конкретной эпохи; здесь уместно применение гегелевского восхождения от абстрактного к конкретному;

– сравнительно-исторического метода, позволяющего выявить природу разнородных объектов и субъектов прошлого, вплоть до рассмотрения жизненного пути конкретного человека;

– принципа дополнительности, введенного в науку Н. Бором и распространенного им из мира физики субатомных частиц на сферу культуры;

– принципа автономности культурных явлений, позволяющего учитывать фактор относительной человеческой свободы в материальном мире.

Знак, образ, созданный людьми, способен стать активным, выйти из-под их контроля. Не случайно издавна человечество пыталось ответить на вопрос: а что такое образ? Истинное знание об образе давало надежду на освобождение от его господства. Считается, что образ всегда пограничен, поскольку находится между активным субъектом и объектом познания. Образ объективен по своему источнику и идеален по способу (форме) своего существования [*Образ, 1989, 432*]. Однако пограничное положение не отменяет изучения тех закономерностей, которыми обуславливается его существование.

Проблема заключается в том, что любой образ располагается в нашем сознании, которое исторически изменчиво и субъективно. Поэтому ответы о сущности образа не всегда тождественны. Их изменение следовало смене определенных эпох. Выяснилось, что познание мира и себя в этом мире не ограничивается изучением объекта. Между познающим и познаваемым находятся разные, опосредующие элементы. Ранее они воспринимались как вредные

побочные явления, своеобразный «информационный шум». Его надлежало игнорировать – и только. Историческая наука в век Просвещения негативно относилась к сведениям, почерпнутым из наивных фольклорных источников.

Со временем, однако, пришлось отказаться от прямолинейной, а потому и ущербной критики. Потребовались иные исследовательские настройки. Выяснилось, что анализ опосредующих звеньев позволяет лучше понять и объект, и субъект. Признавая иллюзорного «другого», мы изучаем мышление в его историческом развитии. Соответственно, сегодня имеется потребность понимания механизмов познания и тех структур, из которых состоят понятия и образы. Их «заполнение» объемным содержимым расширило наши познания. В итоге, относительно образов человеческого пространства и его населения постоянно меняются оценки и суждения.

Методологической базой для исследования образов региона и аборигенного населения служат теоретические концепции в сфере истории, культурной географии, имиджологии, литературоведения, социологии и антропологии. Реализация междисциплинарного подхода достигается при использовании классических трудов зарубежных гуманитариев. М. Элиаде анализировал место проживания в традиционной культуре. Известный социолог Ш. Н. Эйзенштадт рассматривал варианты интерпретации мира и коллективные идентичности [*Eisenstadt, 1998.*]. Образы этносов неоднократно освещались в гуманитарных исследованиях. Так, Б. Андерсоном разработана концепция о воображаемых сообществах [*Андерсон, 2001*]. Этнологи Р. Брубейкер и Ф. Коупер известны рассмотрением свойств идентичности [*Brubaker, Cooper, 2000*].

Наблюдается расширение тем, связанных с изучением образов, в том числе в литературоведении и смежных дисциплинах. Культуролог Э. В. Саид реконструировал образ «чужого» посредством анализа текстов [*Said, 1979*]. Философа С. Кина привлекли отличительные черты образа врага [*Keen, 1986*]. Ж. Фауни-

ер интересуется ментальным пространством [*Fauconnier, 1994*], Р. Уортман – образами пространства в имперских церемониях [*Wortman, 1997*], В. Митчелл, напротив, – пограничными свойствами пространства [*Mitcell, 1994*]. Г. Д. Гачевым был реализован сопоставительный анализ национальных образов пространства [*Гачев, 2007*]. Заметим, что литературоведческий термин «концепт» также связан с образами и генетически выводится из них. Ж. Делёз и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?» исследуют феномен концепта, который обладает структурой, пространством и изменяемой смысловой нагрузкой [*Делёз, Гваттари, 2009*].

У ряда ученых освещаются изменения образов соседей средневековой Руси. Эти аспекты представлены у И. Н. Данилевского, А. Л. Юрганова, А. А. Горского [*Данилевский, 2001; Юрганов, 2009; Горский, 2003*]. Немало исследователей обращаются к истории образов Азиатской России. Среди них допустимо выделить работы о восприятии пространства в Московской Руси [*Кивельсон, 2012*] или об образах Сибири в России [*Родигина, 2006*]. Д. Н. Замятин пишет о визуальных географических образах [*Замятин, 2010*], К. В. Истомин – о ментальном картографировании [*Истомин, 2018*], а литературовед Ю. Слёзкин о процессах восприятия малых народов Севера [*Слёзкин, 2008*].

Антропологические исследования образов представлены трудами А. В. Головнёва, интересными нетривиальными выводами [*Головнёв, 2009*], В. И. Сподиной, акцентирующей внимание на связях телесности и картины мира в аборигенном мире [*Сподина, 2001; 2017*]. Е. В. Головнёвой, которая разрабатывает вопросы региональной идентичности [*Головнёва, 2017*]. Разделы настоящей книги ранее апробированы нами в ряде публикаций [*Ершов, 2013а, б; 2014; 2015; 2018а, б*].

«Текучесть» образов требует обратить внимание на источниковую базу, с далеко не всегда последовательно верифицируемыми материалами. Их базу составили фольклорные и литературные произведения, архивные и опубликованные делопроизводствен-

ные сведения, а также публицистика из периодических изданий. Проблема заключается в степени адекватности объяснений о содержащейся в них информации. Часто они привносятся извне и затем дополняются мифологизацией первичных образов. В местах рецепции их воспринимают как внеобыденные сущности, положительные или отрицательные идеалы. Соответственно, сакрализация заимствованных образов ведет к переосмыслению идеалов, к их повторному ментальному конструированию, что усложняет историческую критику источников.

Настоящая монография состоит из введения, двух глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы. Автор признателен своим коллегам за доброжелательные советы, консультации и замечания.

Глава первая.

Образы пространства

1.1. Югра в Большой России

Понятие «Югра» многозначно. Имеется несколько значений, которые мы в него вкладываем. Происхождение данного топонима уже рассматривалось в трудах исследователей [*Соколова, Туголуков, 1983, 76–77*]. Несомненно, что помимо юридических дефиниций (нынешний ХМАО – Югра является полноправным субъектом Российской Федерации в составе Тюменской области) имеется еще и более широкое понятие, включенное в исторический контекст. Вопрос, однако, усложняется тем, что в прошлом территориальные границы югорского пространства были изменчивы, «размыты», а полноценная государственность до «сибирского взятия» в конце XVI в. у обско-угорских и самодийских народов отсутствовала. Существование в древности несовершенных потестарных структур (княжеств) и сравнительно недавнее создание округа (в 1930 г.) подспудно привносят в современное общественное сознание мифологему о некой неполноценности данной территории, расположенной в гетерогенном пространстве тюменской «матрешки».

Однако, прежде чем делать категоричные и однозначные выводы, необходима хотя бы предварительная историческая экспертиза. Что это за регион? Каковы были причины его возникновения на просторах Евразии? Каковы были основные элементы, связующие его с внешним миром? Что доминировало и доминирует в его отношениях с соседними территориальными массивами? Тезисное изложение предварительных ответов на данные вопросы и составляет содержание настоящего раздела.

Геополитическое положение Югры в глубокой древности оптимально анализировать с учётом прошлых экономических реалий. Появление излишков в эпоху бронзы и переход к производящей экономике в раннем железном веке на юге Сибири привели к имущественной дифференциации внутри локальных со-

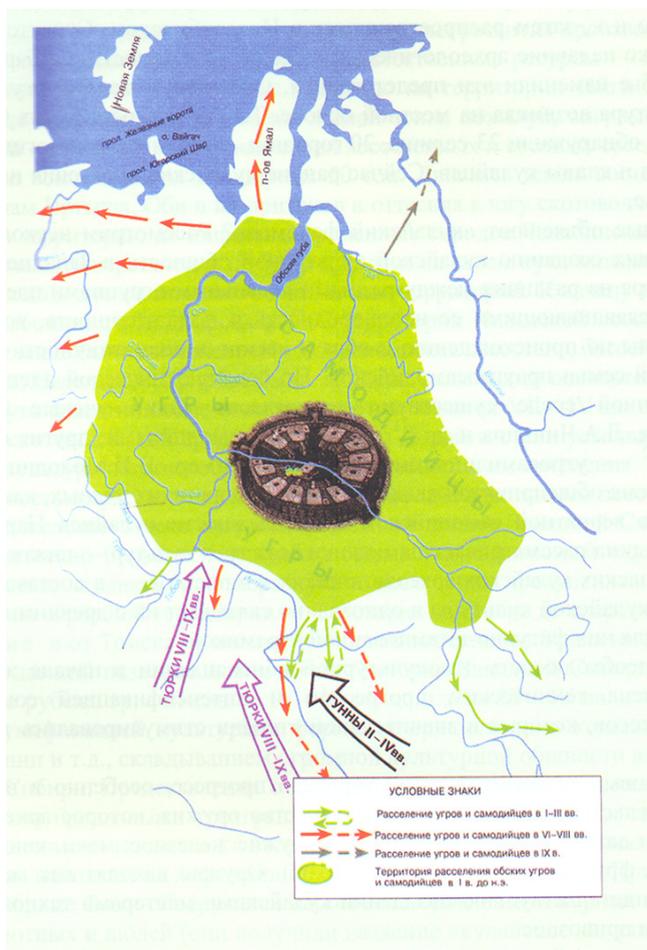
обществ. Неравенство дополнялось несовершенными способами хозяйствования на тех территориях, где господствовал изменчивый континентальный климат. Все это нередко ставило членов социума на грань жизни и смерти. Наличие постоянной угрозы экономического краха заставляло начать поиски выхода.

Смягчение внутренней социальной напряженности дружинная верхушка искала на пути внешней экспансии. Этому способствовала и неравномерность в социально-экономическом развитии между различными племенными и территориальными общностями. Так, на юге Великой степи кочевники соприкасались с земледельческими народами, располагавшими немалыми материальными благами. Получить их было возможно либо путем обмена (желательно не эквивалентного), либо через военные действия. Агрессивное отношение к соседям и поиск дефицитных ресурсов усиливали миграционные процессы.

Великая степь была вынуждена постоянно «давить» на окружающие её территории (рис. 1). Это избыточное давление то усиливалось, то ослабевало, но окончательно не прекращалось никогда. На Востоке кочевые народы вступали в контакты с Китаем, нередко используя его в качестве донора. Усилившиеся или, наоборот, проигравшие общности устремлялись на Запад. Те миграционные толчки, которые создавались движущимися людскими массивами, ощущались даже территориально удаленным населением, до Центральной Европы и берегов Северного Ледовитого океана включительно.

Там, где географическое пространство препятствовало перемещению, создавались очаги повышенного демографического давления. Одним из таких очагов были горловина между Уральскими горами и Каспийским морем и Нижнее Поволжье. Тот, кто контролировал данную территорию, оказывался в максимально выгодном, но достаточно опасном положении. Здесь сосредотачивались миграционные и торговые пути. Здесь была зона зарождения цивилизаций. Здесь Восток встречался с Западом, а Север с Югом.

Дело в том, что суровая и одновременно хрупкая природа Севера не могла прокормить избыточное население, что провоциро-

Расселение угорских и самодийских народов в железном веке

Рис. 1. Югра в древности и в раннем средневековье

вало его миграции в южном направлении. И, напротив, племена, вытесненные с выгодных мест проживания, нередко двигались на Север. Именно так на территории Обь-Иртышского междуречья появились самодийские, угорские, а затем и тюркские этносы. Исследователи неоднократно обращали внимание на наличие

южных черт в культуре хантов и манси [Соколова, 1999, 29–36]. В лесостепном Зауралье происходили встречи суровых охотников, выходцев с Севера, с кочевниками, пришедшими с Востока.

Эти межэтнические контакты протекали по-разному. Так, например, по мнению Л. Н. Гумилева, племена гуннов, устремившиеся на Запад, не только вступили в Сибири в боевой союз с частью угорских племен, но и фактически стали новым этносом [Гумилев, 1992, 29]. И – совместными силами обрушились на одряхлевшую Римскую империю. После гуннского нашествия лесостепная зона обезлюдела, чем вновь воспользовались угорские племена. Часть северян сместилась на юг, они освоили здесь скотоводство, создали свои первые протогосударственные образования.

Несколько столетий угры достаточно благополучно проживали в лесостепной зоне возле Уральских гор. Следующий миграционный толчок был связан с тюрками. Получилось так, что угры так и не смогли наладить с тюрками мирные отношения. Под угрозой уничтожения угорское население либо вернулось в северные леса, либо двинулось на Запад. В конечном итоге эти племена (угры, огры, мадьяры, венгры) осели на берегах Дуная. А в исторических источниках и национальной памяти венгров остались скудные сведения о прошлом. О некогда существовавшей на границе Европы и Азии Великой Венгрии или о дальних языковых родственниках, оставшихся жить в сибирских лесах.

Тюркское население, вытеснившее угров и осевшее на юге Сибири, через несколько столетий попало под удар Монгольской империи. В очередной раз жители Востока шли на Запад! По мнению современного исследователя, «магистральная мобильность вписана в мотивационную карту кочевника» [Головнёв, 2015, 80]. И в очередной раз жители лесостепи были вынуждены мигрировать на северные территории, чтобы не подчиниться захватчикам. Спасаясь от нашествия, тюрки отчасти отгеснили угорское население на Север, отчасти ассимилировали его. Так появился этнос сибирских татар. Прямые потомки Чингисхана, создавшие к Востоку от Урала Синюю Орду, не слишком-то любили этих своих непокорных северных соседей. А уж худародных тюменских

ханов, даже не чингизидов, они и вовсе считали откровенными узурпаторами.

Итак, с глубокой древности в геополитическом отношении северные территории выступали в качестве тыловой базы, своеобразным рокадным полем, местами рекреации и накопления сил. Одновременно это был необходимый плацдарм, на котором копилась сила для будущего, для исторического реванша, для нового результативного рывка. Надо сказать, что данное положение, с определенными вариациями, сохранилось и в последующие времена. Уже средневековая Русь, не выдержавшая ордынского удара, начала движение на северо-восток. Очень много для восстановления государственной независимости нашей страны в XV в. дали именно северные, заволжские и приуральские пространства, близкие к территории Югры.

Затем началось Смутное время. В непростых условиях несомненной удачей оказалось продолжение присоединения Сибири. Хронологически Ермаково «сибирское взятие» пусть и ненамного, но опередило Смуту. К востоку от Волги находились районы (Приуралье, Урал, Западная Сибирь), избежавшие ужасов нашей гражданской войны начала XVII в. и иностранной интервенции. Они были надежным тылом для ополчения Минина и Пожарского. Значение тыловой, трудно достигаемой базы Север Сибири и Югра сохраняли и в дальнейшем. Известно, что Александр I в ответ на угрозы Наполеона грозился уехать в Тобольск, чтобы там, на Севере, вне досягаемости французских захватчиков, продолжать освободительную Отечественную войну 1812 г.

Сходная ситуация сложилась и после неудач в Первой мировой войне, когда в Пермь эвакуировали Петроградский университет, а в Екатеринбург Академию Генерального штаба. Суровый Север всегда защищал слабейшую из сторон, но достаточно сильную духом, чтобы не капитулировать, и в годы гражданской войны. Недаром в произведениях знатока традиционной культуры ханты Е. Д. Айпина присутствует доля исторического сожаления об ушедшем времени правления Белого царя [Айпин, 2002, 114–118]. Писатель также задается вопросом: почему Николай II, свергнутый самодержец, хотя бы не попытался в Тобольске для

спасения себя и своей семьи воспользоваться помощью коренных народов? [*Айтин, 1998, 140–149*].

И в наши дни происходит нечто подобное. После распада Советского Союза современная Россия в её новых границах в очередной раз была отодвинута на северо-восток. Становление обновленной отечественной государственности на рубеже тысячелетий оказалось связано с усилиями провинциалов, в значительной мере выходцев с северных территорий (Б. Н. Ельцин, В. В. Путин, Д. А. Медведев). Югра, территориально близкая к географическому центру страны, геополитически выступает, наряду с Уралом, одним из важнейших узловых элементов формируемого российского пространства. Если продолжить вектор вековых столичных перемещений от Киева до Москвы и далее, на северо-восток, то его остриё с необходимостью укажет на территорию Югры.

Разумеется, идентичность любой территории не сводима только к внешним влияниям. Для действенного субъекта необходимы внутренние потенциальные возможности, реализация которых вовне и позволяет ему существовать среди соседей. Исторический опыт показывает, что Югра такими потенциями не только обладала, но и активно их использовала. Далекое не всегда, даже в древности, межэтнические контакты вели к военным действиям. Существовали и иные возможности для налаживания отношений. Так, например, богатый Юг нуждался в предметах престижного потребления. Одним из таких предметов была пушнина. В прошлые времена количество её функций было больше, чем в наши дни. Пушнина служила своеобразной валютой (вспомним древнерусские или хорватские куны, «куницы») и даже санитарным средством. Пушной барьер преграждал путь завшивленности – паразиты соскальзывали с тонких волосков.

Спрос на дорогую престижную пушнину порождал неэквивалентный торговый обмен. Известно, что, двигаясь от мест добычи на севере до мест потребления на далеком юге, пушной товар вырастал в цене в десятки раз. На увеличение цены влияли опасности, угрожающие торговцам на долгом пути. Поэтому люди, занятые межрегиональной торговлей, нуждались в соответ-

ствующей инфраструктуре: охране, местах постоев, рынках, кредитах. И такая инфраструктура со временем возникла. С традиционной точки зрения (а она пока еще господствует в школьных и вузовских учебниках) наша отечественная история начинается со столиц и в значительной мере в них реализуется. Такими столицами стали на некоторое время Новгород, затем Киев и Москва. Однако кроме столичного мира есть еще мир Большой России за её пределами (его современный ироничный топоним «Замкадь» высмеивает завышенные претензии Москвы). Исторические данные свидетельствуют, что на территории Восточной Европы городская жизнь сложилась много ранее образования Древнерусского государства и его столиц.

Рис. 2. Карта Энтона Дженкинсона 1562 г.

В дорусский период города-посредники располагались в Нижнем и Среднем Поволжье. К ним относятся город Итиль на территории Хазарского каганата, Биляр, Булгар, Сувар, Ка-

зань, Алабуга, Юлово на территории Волжской Булгарии [*Атлас, 1999, 19–21*]. Заметим, что Хазарский каганат был обширной, долговременной, но до сих пор недостаточно изученной державой Восточной Европы. Каковы причины её возникновения и на чем основывалась здесь хозяйственная жизнь? Известный отечественный исследователь Древнего Востока И. М. Дьяконов обратил внимание на экономический смысл возникновения и существования обширных древних империй. По его мнению, «центрами образования империй стали не те области, которые и ранее были наиболее развиты, а те, которые были лучше стратегически расположены и имели доступ к путям, соединявшим регионы новых производств» [*Дьяконов, 2010, 47*].

Они обеспечивали успехи транзитной торговли, чьи направления располагались на линиях восток – запад (одно из ответвлений Великого шелкового пути) и север – юг. В последнем случае доминировала торговля пушниной. Пушнина, добытая на Севере, по обеим сторонам Уральского хребта, в Югре, обменивалась на ремесленные товары и предметы роскоши. Затем, через посреднические города, она поступала на рынки богатых азиатских или европейских государств (рис. 2) Парадокс, но древняя Югра, еще лишенная полноценной городской цивилизации, в какой-то мере была гарантом существования локальных урбанизированных социумов в прилегающих к ней регионах.

То, что межрегиональная торговля требовала наличия городской сети на транзитных путях, подтверждается её регенерацией после военно-политических катаклизмов. Когда агрессивный князь Святослав в середине X в. уничтожил Хазарский каганат, то торговую эстафету смогли перехватить города Волжской Булгарии, которая затем пала под ударами войск Бату-хана. Но и золотоордынским правителям также пришлось создавать условия и для караванной торговли, и для ямской службы, и для строительства городов.

Для привлечения торговцев государством устанавливался режим наибольшего благоприятствования. «На местах установленных ханской властью постоянных дворов-ям и переправ на Великом шелковом пути и вокруг стихийно возникших постоянных

дворов на пути Север – Юг стали расти населенные пункты, постепенно превращавшиеся из мелких в крупные. Особенно много их было в месте пересечения двух торговых путей: Север – Юг и Запад – Восток», – замечает известный исследователь [Кульпин, 2004, 137–142]. Излишне напоминать, что торговля объективно ведет к межэтнической и межконфессиональной терпимости, господству правовых отношений.

Неоднократное уничтожение и неоднократное воссоздание поволжских городов в историческом прошлом свидетельствуют как о необходимости их существования, так и об отсутствии здесь прочной базы для развитой городской жизни и государственного строительства. По сути, на Великом пушном пути и пути из далекой Югры к Каспийскому морю располагались моногорода с минимальными административными и посредническими функциями. У них отсутствовала сопротивляемость к внешним негативным воздействиям. И лишь создание металлургической базы на Урале, начатое с XVIII в., отчасти видоизменило урбанизационные процессы.

На рубеже XVIII–XIX вв. соседство Югры с территориями, чье население было занято неземледельческим трудом, привело к появлению местных товарных рыбных промыслов. Суровый Север в очередной раз подключился к помощи в решении крупных геополитических проблем. Здесь уместны аналогии с нашей недавней историей и современностью. Во второй половине XX в. позитивное значение нефти Западной Сибири заключалось, по мнению академика В. В. Алексеева, в том, что её продажа «за рубеж обеспечивала большую часть валютных поступлений для страны, давая возможность закупать за границей высокие технологии и удовлетворять элементарные потребности населения прежде всего в продуктах питания. Только за 1974–1984 гг. за нефтепродукты, главным образом сибирского происхождения, было получено 176 млрд долларов» [Алексеев, 2003, 12].

Сегодня внутри и вокруг Ханты-Мансийского автономного округа, признанного нефтяного сердца России, бурлит экономическая жизнь. Быстро растут и благоустраиваются города. Крупнейшие среди них, как и ранее, находятся южнее Югры:

Екатеринбург, Тюмень, Омск, Челябинск. Где же сосредоточены внешние истоки их благополучия? Среди прочих к ним относятся доходы от добычи нефти и газа. Эти доходы «вытягивают» строительство дорог, нефте- и газопроводов, поставки нефтегазового оборудования и товаров народного потребления далеко за пределами территории собственно Югры. Между территорией Югры и территорией Большой России постепенно формируется своеобразная буферная зона. В этой зоне располагаются города и другие населенные пункты, специализирующиеся на посреднических услугах: от торговли до транспорта. В ней развивается производство продуктов питания для растущего северного населения. В ней, наконец, присутствуют базы для туризма, места отдыха и лечения.

Где сконцентрированы слабые места у городов, расположенных к югу от территории Югры? Как и ранее, в ущербном наборе их функций. Любая моноэкономика всегда максимально уязвима. Рецепты преодоления этого ненормального положения хорошо известны. Давно уже стали общим местом многочисленные проекты экономистов, направленные на диверсификацию экономики Югры, прилегающих территорий, России в целом. Чем больше будет многосторонних, разнонаправленных и взаимовыгодных экономических и культурных связей Югры с окружающими регионами, тем устойчивее окажется наша российская государственность. Однако для успешной реализации таких проектов необходимы те денежные ресурсы, которыми могли бы самостоятельно распоряжаться региональные власти.

Выход России на сибирские просторы содействовал преодолению её изоляционизма относительно внешнего мира. Требовалось изыскать способы, чтобы преодолеть изоляционистские начала. Начало такого преодоления, по нашему мнению, было связано с продвижением России на Восток, конец – политика Петра I, направленная на Запад. Большая Россия, осознав масштабы собственных территориальных приобретений, по-иному начала воспринимать геополитические реалии. Карты Сибири, составленные к началу XVIII в. С. Ремезовым, не могли не воздействовать на менталитет и идеологические представления

высших управленческих слоев Московского государства. Выход в XVII–XVIII вв. на берега Тихого океана (со стороны Сибири и со стороны Северной Америки), основание там европейских колоний начали ломать миф о замкнутости и самодостаточности христианской цивилизации. Также весьма характерно, что в северных сибирских непашенных городах (Пельме, Обдорске, Сургуте, Березове) не было такого всплеска эсхатологических настроений, которые несла культура старообрядцев. Служилые люди, в отличие от крестьян, были удалены от традиционной культуры, прагматично мыслили и жили по иным сценариям. Связано это было с их функциональными обязанностями, с вынужденными постоянными перемещениями с частой сменой мест проживания.

Миграции на обширные северные территории, равно как и миграции внутри этих территорий, оказывались не только одним из способов расширения обитаемого пространства. Они, хотя бы на время, позволяли уменьшить гнет государственных или идеологических структур, сохранить или заново обрести локальному социуму и индивиду относительную свободу. Далекое неслучайно республиканский исторический опыт Господина Великого Новгорода. Его вольные землепроходцы первыми из русских соприкоснулись с Югрой, а в середине XIV в. в своих походах уже достигли р. Обь. Культурно близок к колонизационному движению и опыт казачьего самоуправления, в том числе и на Севере Сибири.

Нередко миграции позволяли сохранить прежний хозяйственный уклад, собственную культуру и этническую идентичность. По данным ряда исторических источников, с конца XIV в. коми начали переселение на Восток, вплоть до Севера Сибири. По мнению Н. А. Повод, «миграционные процессы отдельных представителей коми были вызваны христианизацией Коми края Стефаном Пермским и учреждением в Усть-Выми Пермской епархии» [Повод, 2006, 32]. Как известно, в миграциях участвовали также и манси, жившие к западу от Уральских гор. К XIX в. передвижение манси за Урал было в основном завершено [Мурзина, 1953, 226].

Во всех этих случаях горизонтальная мобильность на местности с низкой плотностью населения возмещала отсутствие

вертикальной мобильности. Динамичный мир раскрывал новые горизонты и содействовал качественному приращению культуры. Миграции дополнительно давали надежду на поправление материального положения. И в наши дни переезд на Север также означает возможность обретения относительной свободы: от провинциального застоя, безденежья и безнадежности.

Составленная нами таблица свидетельствует, что геополитические и обменные отношения Югры с соседними регионами качественно менялись в прошлом, меняются сейчас и, скорее всего, изменятся в будущем. При этом, в соответствии с принципом дополнительности, старые связи, уступая приоритет новым связям, не исчезают окончательно. Оказывается, что те возможности, которые даёт древняя и одновременно молодая Югра, не сводимы только к «нефтяным деньгам», как бы велики они ни были:

Геополитическое направление	Географический регион и время его доминирования	Обменные операции: из Югры («экспорт»)	Обменные операции: в Югру («импорт»)
юг	Южное Зауралье, Поволжье (III–XVI вв.)	людские ресурсы, пушнина, другие сырьевые ресурсы	ремесленные изделия, предметы престижного потребления, транспортные услуги
запад	Северо-Западная и Северо-Восточная Русь, Европейская Россия (XVI – середина XXI в.)	пушнина, рыба сырьевые ресурсы	ремесленные и промышленные изделия, людские ресурсы, транспортные услуги

север	Ямал, акватория Северного Ледовитого океана (с первой половины XXI в.)	людские ресурсы, транспортные технологические и образовательные услуги	сырьевые ресурсы
восток	Западная и Восточная Сибирь (со второй половины XXI в.)	людские ресурсы, транспортные технологические и образовательные услуги	сырьевые ресурсы

Нет сомнения, что влияние Югры на людей и обитаемое пространство много шире сибирских ресурсов и денежных поступлений. Сюда относятся: приобретение опыта нахождения в естественной природной среде, почти не деформированной вмешательством человека, особые навыки бережного природопользования в северной и субарктической зонах. Наконец, не стоит забывать и пользу от знакомства с уникальной духовной и материальной культурой коренных сибирских народов, содействующую формированию межэтнической и межконфессиональной толерантности в российском обществе.

В первой половине XX в. геополитик Х. Дж. Маккиндер разрабатывал концепцию, которая получила название Хартлэнд: «Это северная часть и внутренние области Евразии. Он тянется от арктического побережья вниз до центральных пустынь» [Маккиндер, 1994, 154]. Абстрагируясь от потенциальных возможностей созданной им теории «сердцевидной земли», заметим, что её повторное образное воплощение состоялось уже в начале XXI в. при раскрутке слогана «Югра – нефтяное сердце России». В итоге сложилось причудливое переплетение объективных реалий, теоретических построений и массового субъективного восприятия северной территории, столь значимой для нашего Отечества.

1.2. Эволюция образов Югры

Человеческие сообщества никогда не являлись исключительно стабильными образованиями. Объективно мобильность в пространстве – один из атрибутов человечества. Соответственно, миграции порождали потребность в изучении осваиваемой территории. Для патриархальной культуры в целом было характерно одухотворенное отношение к месту проживания. Как зафиксировал М. Элиаде, своё поселение воспринималось как центр мироздания [*Элиаде. 1994, 43*] или, к примеру, в античности – как *Genius loci* [*Казначеева, 2007, 180*].

Применительно к Югорской территории, благодаря усилиям представителей столичной и местной интеллигенции, были запущены процессы восстановления региональной идентичности, популяризированы такие концепты, как «золотая баба», «город Эмдер», «Лукоморье», и многие другие. В частности исследователь З. П. Соколова, выпустив научно-популярные книги о прошлом округа и его коренном населении, возвратила в массовое сознание топонимы «Югра» и «Югория» [*Соколова, 1976; Соколова, 1982*].

Неизведанное пространство всегда манило человека, но оно обычно оценивалось как враждебное ему, как некое нарушение гармонии, изъятие из правил. Средневековая Югра не была исключением. Такое упрощенное восприятие территории повсеместно господствовало при первоначальном освоении. Оно имело место при эпизодических контактах и мало подходило для массовой колонизации. С проникновением русских первопроходцев в Югру происходили антропоморфизация, конкретизация и разверстка образа новой территории. В «Сказании о человецах незнаемых в восточной стране и о языцех розных» (XVI в.) коренные народы Сибири не представлены полноценными людьми. Это некие существа, близкие к зооморфным особям, со специфической анатомией: мохнатые по пуп или немые с ротовым отверстием на тмени [*Плигузов, 1993, 78*]. Для русских они – пришельцы из почти потустороннего мира. Подобные контакты означали не только выход за пределы обыденности, но и, по мнению В. Митчелла,

связь между человеческим и нечеловеческим [Mitchell, 1994, 15]. Но и русские, пришедшие со стороны Запада (заката) за данью или ради обмена товаров на пушнину, не являлись образцами добродетели.

Рудименты подобных воззрений сохранились до наших дней в народной памяти и местном литературном творчестве. По представлениям ханты р. Тром-Аган, заболевания вызываются «поеданием» души и тела духами болезней Хозяина Нижнего мира Пыхты-ики (Кынь-ики) – бога, насылающего болезни. В описаниях он «выглядит по-русски, носит сапоги», его одежды всегда черные [Стародубова, 2018, 419–420]. По мнению М. А. Литовской, этнограф и писатель из народа ханты Т. А. Молданова в своих художественных текстах отображает негативное отношение к пришельцам: «Русские в повестях – загадочные недобрые люди <...>. Русские не стремятся ассимилировать ханты, они их равнодушно, не замечая, уничтожают. Во врагах нет ничего доброго – они насильники, разрушители, растлители» [Литовская, 2007, 239].

Действительно, межэтнические контакты обычно начинались с генерации негатива. Этот негатив выламывался из природного мира и мира людской обыденности, но сохранял отношения с обоими компонентами мироздания. Одновременно он создавал условия для собственного преодоления и дальнейшего формирования адекватных образов. Общая историческая судьба объективно вела к региональной идентичности, к сплочению жителей единой территории, в том числе и принадлежащих к разным этносам. Соответственно, специфика современной Югры заключается не столько в полиэтническом составе её населения (этим может похвастаться любой российский регион), сколько в особенностях воспроизводства исторической памяти и традиционной культуры населения Югры. На сегодняшний день чрезвычайно высока роль материального и нематериального культурного наследия, задействованного в имиджевых и брендинговых проектах, служащего средством идентификации территории и её жителей.

Так, у обско-угорских народов с древности медведь является сакральным животным. В то же время его образ не лишен

недостатков. Вопрос заключается в усилении положительных и уменьшении отрицательных черт данного образа. Последние черты нередко продолжают доминировать. Например, в фильме «Тринадцатый воин» (США, 1999 г.) показан бесчеловечный языческий социум, поклоняющийся медведю. Фабулой триллера, снятого по книге М. Крайтона «Пожиратели мёртвых», послужило путешествие Ахмеда ибн Фадлана в Волжскую Булгарию, осуществленное в начале X в.

Переплетение антропоморфных и зооморфных черт отобразилось во множестве фольклорных материалов. Согласно легендам, богатырь коми-пермяцкого эпоса Кудым-Ош родился в семье вождя-жреца. Его мать-колдунья зачала богатыря от семени медведя (отсюда его имя, букв. с коми-перм.: «Медведь с устья реки Ку»). Согласно легенде, Кудым-Ош женился на Костэ, дочери богатыря Асыки. Интересно, что в облике его суженой также сочетаются звериные и человеческие черты. До встречи с богатырем лицо Костэ скрывалось под маской то ли домашнего, то ли дикого животного [*Ожегова, 1971, 19–24*]. Как полагает исследовательница С. А. Попова, имя девушки происходит от названия р. Косья, притока р. Северная Сосьва. Обе реки текут восточнее Уральского хребта.

Мансийский князь Асыка – лицо историческое. Его воинственные набеги на Западный Урал отмечены в русских летописях. Известно также, что у пелымских манси бог Полум Торум являлся в образе медведя. Переплетение зооморфных образов, гидронимов и онимов (имен собственных) частично отображает как освоение пространства к востоку от Урала, так и изменения в восприятии этого пространства. В исторических источниках зафиксировано переселение предков коми в низовья р. Оби. Часть историков считает, что название местного княжества – Кода – происходит от имени легендарного Кудым-Оша [*Морозов, Пархимович, Шашков, 1995, 59–69*].

При отсутствии в тайге действенной государственной власти на авансцене истории оказались агрессивные люди с крепкими характерами. В. А. Головнёв замечает о специфике вольных территорий на примере степи: «Дикое поле было адом для смиренных

и раем для дерзких. Впрочем, не только Поле формировало характер стекающих сюда людей, но и сами они приносили удаль и авантюризм разной этнической природы» [Головнёв, 2009, 334]. Не случайно, что в исторических источниках XV–XVI вв. по преимуществу фигурировали имена югорских князей. Параллельно им в обско-угорском фольклоре представлены анонимные русские богатыри [Ромбандеева, 2010, 177–181]. Восприятие пространства как ареала богатырей уже означало частичное снятие негатива. С богатырем было возможно сражаться или договариваться. Поступки богатырей обосновывались человеческими представлениями, а их образы были способны к дальнейшей трансформации. В предшествующих публикациях при анализе колонизации Сибири мы освещали эволюцию образов богатырей [Ершов, 2013, 162–182].

Изживание зооморфных черт и нарастание антропоморфизма (очеловечивания) в образах региона не были абсолютными. Пермский звериный стиль, мамонт, соболь, медведь и медвежьи праздники и поныне не только яркие образы, но и коммерциализированные бренды Севера. Однако подлинное освоение малоизвестного или незнакомого пространства всегда шло от человека и его жилища. По мнению историка К. И. Зубкова, первым признаком и необходимым условием зарождения колонизации является «наличие некоторой “точки отсчета”, стабильного ядра развертывания миграционной активности, которое не только подпитывает её, но и в полной мере использует её плоды. Именно наличие такого опорного центра превращает лишённые укоренённости миграционные перемещения народов в последовательное расширение сферы жизнедеятельности определенного типа хозяйства и культуры» [Зубков, 2009, 17].

Исследовательница А.-Х. О. Базырчап считает, что в представлении тувинца-кочевника о вселенной и о том месте, которое он в ней занимает, присутствовал элемент стихийной геометризации. Свое жильё (включая освоенное хозяйственное пространство) он рассматривал как некий центр, вокруг которого концентрическими кругами располагался весь остальной мир. Исходной точкой всего мироздания, «его центром была сама юрта, малый

круг, мир собственного бытия». Она солидарна с теми авторами, которые полагают, что между концентрическим (статическим) и линейным (динамическим) вариантами освоения пространства отсутствует четкое разграничение [*Базырчан, 2016, 109–111*]. Граница освоенной территории, по мнению В. И. Сподиной, оконтуривала мир, в котором жили члены этнической группы, «наполняя» пространство объектами по направлению от центра к периферии [*Сподина, 2001, 47–48*].

Предварительное соотнесение этих представлений с прошлым Югры показывает их зависимость от конкретно-исторических обстоятельств. При колонизации неоднократно происходили замены доминирующего варианта. Когда для путешественников новое пространство переставало быть лишенным площади или «точечным», оно еще долгое время воспринималось одномерно. Его освоение было подобно тексту, протяженному во времени и пространстве. Не случайно, что летописцы начинали своё повествование с библейских времен. Так же текстуально разворачивалось описание территорий, расположенных к востоку от новгородских владений. В первом упоминании о Югре новгородец Гюрята Рогович направляет своего отрока на Печору. По сведениям последнего, за Печорой находилась Югорская земля, еще далее – Самоядь. Этому же отроку Югра якобы сообщила о неведомых народах и даже описала место встречи: горы, упирающиеся в луку морскую, оконце в горах, люди в этом оконце.

Ничего специфического в такой подаче информации нет. Она происходит от недостатка знаний. Например, много позднее Н. В. Гоголь так и не смог преодолеть вязкое пассивное сопротивление отечественной провинции, её глубину и массив. Как писатель и даже исследователь, он был этнографически достоверен. Но в зрелищных провинциальных персонажах писателя отсутствовали внутреннее развитие и психологическая глубина. Большинство из них представлено как разовые, плоскостные образы. В сущности, «Мертвые души» близки некоему художественному описанию впечатлений путешественника, в котором взамен достопримечательных местностей происходило чередование занимательных, почти театральных персонажей. Видимо, не случай-

но, что запоминающийся образ – Золотая Баба, дошел именно из европейского средневековья. Мифам о скульптуре, лишенной персональных свойств и культурных связей, было элементарнее появиться в обществе, которое о Югре имело самые смутные сведения.

Ментальное развертывание пространства от одномерности к двумерным образам во многом определялось жизнью в осваиваемом крае. Легендарная фигура Ермака во многом связана с перемещениями атамана, преимущественно по рекам: Волга – Днепр – Кама – Чусовая – Серебряная – Тура – Иртыш – Вагай. Дело заключается не только в удобстве и относительной безопасности речных перемещений. Как показал Р. Уортман, существует взаимосвязь между завоеванием и развертыванием пространственного мифа [Wortman, 1997]. Некоторое время русские первопроходцы были не способны вырваться из одномерности маршрутов и соответствующей им природной зависимости. При пересечении Уральского хребта и расставании с привычной ему цивилизацией человек субъективно признавал зависимость от природных стихий.

Рудименты подобного осознания территорий присутствуют и в наши дни. По мнению К. В. Истомина, существуют различия в восприятии пространства Севера Приуралья и Западной Сибири у аборигенного и русского старожильческого населения, с одной стороны, и недавно прибывших лиц – с другой стороны. Ментальные карты первой группы в основном совпадают с гидрологией района, с бассейнами местных рек. Новоприбывшие же, напротив, ориентированы на современную дорожную сеть [Истомин, 2018, 349–352]. Несомненный прогресс транспорта не смог радикально изменить пространственное восприятие. В обоих случаях, хотя и по-разному, наблюдается доминирование одномерности и искажение образов реального пространства.

Такое искажение формируется как способом жизнедеятельности, так и историческим прошлым. Ранее Югра, расположенная ниже по течению рек, была закрыта её «возвышенными» южными соседями. Характерно, что на старых русских картах Север располагался внизу. Данное восприятие северного пространства

перекликалось с мифами обско-угорских народов. Как известно, по их представлениям, вход в Нижний мир находился в районе Обской губы. Еще одно обстоятельство заключалось в транзитных функциях Югры. В XVII в. она служила плацдармом для дальнейшего освоения Сибири, промежуточной проездной (точнее – речной) зоной, местом временного нахождения казачьих и стрелецких отрядов.

При этом говорить о детальном знании территории было преждевременно. Как считает историк В. В. Пестерев, даже поверхностное знакомство «с картографическим материалом рассматриваемого периода (весьма, кстати, немногочисленным) вполне может утвердить мнение о его неспособности сколько-нибудь адекватно отображать географические реалии» [Пестерев, 2008, 25]. Видимо, не случайно, что географ Д. Н. Замятин предпочитает использовать применительно к колонизации территорий визуальную метафору: стрелу (Зауралье), пронзающую шар (Сибирь) [Замятин, 2010, 22]. При уточнении данного образа следует отметить, что острие стрелы нацелено на северо-восток. Этот был общий вектор колонизационного движения, порожденного потребностью в пушнине, качество которой зависело от низких температур в местах зимней охоты.

Русским переселенцам потребовалось приблизительно столетие, чтобы не просто перейти от линейного восприятия обширных территорий за Уралом к концентрическому, но и запечатлеть двухмерное видение картографическим способом. Это было масштабно осознано благодаря талантам сибиряка С. Ремезова. На его картах присутствует разграничение Московского царства и покоренной Сибири [Кивельсон, 2012, 250]. Данное обстоятельство свидетельствует о незавершенности инкорпорации Сибири и осознания её специфических черт. Видимо, лишь только к середине XIX в. картографические возможности осмысления образов территорий были в основном исчерпаны (рис. 3).

К этому времени на передний план в понимании пространства Югры вновь вышли тексты, точнее, данные языкознания, но и не только они. Филологи и этнографы, в том числе зарубежные, начали исследовать языки, фольклор и традиционную культуру

Рис. 3. Часть карты Азиатской России, 1868 г.

обско-угорских народов [Волдина, 2002]. Интересно, что итогами экспедиции венгра Антала Регули (1843–1845 гг.) одновременно стали и записи обско-угорского фольклора, и «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала» [Терюков, 2016, 121]. Новые обобщения позволили познакомиться с мировоззре-

нием северных этносов. Фантастические знания об устройстве Верхнего, Среднего и Нижнего миров, о богах и героях перестали быть исключительным достоянием национальных сказителей. Они раскрыли выходы в иные измерения – в древнее мифическое прошлое.

Одновременно в среде русских переселенцев происходила переоценка ценностей. Переселение в Сибирь порождало неизжитый до конца вопрос о правильности сделанного выбора. Переселенцы и их потомки были нацелены на предпринимательство и обогащение, аборигены же, напротив, предпочитали те способы жизнедеятельности, которые не подрывали природных ресурсов. В конечном итоге чрезмерная социальная активность новоприбывших угрожала и окружающей среде, и аборигенам, и нормам морали самих первопроходцев.

Характерно, что в русском сибирском фольклоре оказались представлены вторичные по отношению к колонизации образы разбойников, бродяг, силачей, ямщиков, бунтующих рабочих горных заводов. В песне «Уральские казаки», записанной в Ревдинском заводе в конце XIX в. и известной тогда по всему Уралу, «вольные ребята» отбирают соболей у богатых иркутских купцов [ГАСО Ф. 561-р. Оп. 1. Д. 71. Л. 20]. Анархические сюжеты, во многом типичные для осваиваемых территорий, отложились в образах, фольклоре и отчасти в мировоззрении. Не случайно, что философ И. Берлин причислил данное поведение к «негативной свободе» [Berlin, 1969, 121–122].

Действительно, эти люди не распространяли привычную европейскую цивилизацию на территорию аборигенов. Но поневоле они жили внутри её, противостояли ей и страдали от собственной неустроенности. Все это не могло не вызвать у части колонистов встречных веяний, усиления духовности и тяготения к гуманным социальным отношениям. Такие искания в первую очередь были присущи людям, отличающимся религиозностью или много испытавшим и пережившим. Их стремления стимулировались ростом населения и хозяйственными успехами.

Генезис и последующая эволюция городов на осваиваемых землях вновь запускали трансформацию пространственных об-

разов. В прошлом оставались территориальное обособление, бытовая неустроенность, ощущение временности проживания. Стабильное существование вело к трансформации жилых мест. В идеале временное военное или полувоенное пристанище сменялось городом с его святынями, который тяготел к вечности. Города в качестве объемных икон отображали в религиозном сознании населения то идеальное мироустройство, коего следовало достичь на осваиваемых землях. Они, как административные центры, также вполне могли быть и антииконами, концентрирующими в себе греховность [Ершов, 2013, 192].

Городам принадлежала, да и до сих пор принадлежит, важнейшая роль в благоустройстве и осознании специфики осваиваемых территорий. При этом города, вне зависимости от их образов, активно участвуют в трансформации пространства. Они формируют экономический каркас расселения, тиражируют образы, востребованные обществом, и участвуют в обретении идентичности. Пространство всё более воспринимается как неоднозначное, дифференцированное, многомерное, лишённое прежней гомогенности. Не случайно, что социальную идентичность исследователи понимают как продукт конкурирующих дискурсов [Brubaker, Cooper, 2000]. Так, знаменитое расколдовывание мира, объясненное М. Вебером, вело к десакрализации образов и доминированию светских игровых начал в осознании пространства.

Отношения между исторической наукой и массовым сознанием носят неоднозначный характер. Для них характерно причудливое сочетание объективных и субъективных начал. Допустимо долго рассуждать об искажениях, присутствующих в мифах и образах, но никто не отменил мысль Г. Г. Гадамера о том, что художественному познанию мира присуща строгость, которая сродни строгости мифического опыта [Гадамер, 1991, 98–99]. А всякая строгость или системность обладает способностью быть познаваемой внешним наблюдателем. Несомненно, что в эволюции образов пространства имеются определенные закономерности. Применительно к Югре выявлен ряд трендов в осознании образов региона: смещение восприятия от негатива к позитиву, от зооморфизма к антропоморфизму, от сакральности к профанным

игровым началам, от одномерности текста к визуальной многомерности. Историческая динамика местных мифов и пространственных образов Югры свидетельствует об их близости в бесконечных процессах осознания и очеловечивания окружающего ландшафта. Наш мир постоянно преобразуется культурой, насыщающей «собой деятельностное пространство, в котором живет и движется человек» [Головнёв, 2009, 14].

1.3. Аборигены и их образы

Проблема наблюдения за дописьменными народами считается одной из наиболее значимых в историко-этнографических исследованиях. Насколько наблюдатели прошлого были в плену своих стереотипов? Известно, что для патриархальной культуры характерно негативное отношение к человеку иной этнической принадлежности и иной культуры. В ходе колонизации Сибири данное обстоятельство породило потребность объяснения неизвестных ранее реалий и его последовательную инкорпорацию в привычное мировоззрение. Пример такого включения – использование русскими книжниками так называемого «Откровения» Мефодия Патарского [*Истрин, 1897, 10–16, 142–143*]. В первом летописном упоминании о Югре новгородец Гюрята Рогович направляет своего отрока на реку Печору. Краткие сведения последнего о мифических людях послужили для летописца основанием соотнести их с библейскими народами Гог и Магог, якобы заключенными в горах по Божьему повелению до времен Апокалипсиса.

Известный исследователь А. Л. Юрганов замечает, что «летописец не писал о том, что эти народы вот-вот спустятся с гор и наступит главное событие в истории человечества. Но об этом событии уже думают древнерусские люди, оно вошло в систему ценностных ориентаций и волнует своей предопределенностью» [*Юрганов, 2009, 249*]. Он также акцентирует внимание на эсхатологических ожиданиях и перевоплощениях концепта «правда» и его соотношении с другим концептом: «христианской верой». По мнению книжников, в православных государствах в ряде случаев вера оставалась, а вот правды могло и не быть [*Юрганов, 2009, 32*].

Церковная идеология не была исключительно умозрительной книжной конструкцией. Её истолкование имело и нравственные параметры. Оно позволяло человеку оценить виновность собственного этноса, равно как и его агрессивных соседей. Если в государстве отсутствует «правда», то Божье возмездие, осуществляемое руками нечистых народов, будет закономерным и неотвратимым. Противиться же ему бессмысленно и греховно.

Не случайно, что И. Н. Данилевский, при анализе летописей, посвященных ордынскому покорению, приходит к категоричному выводу: «Судя по ранним летописным повестям о нашествии Батые, на русских землях, завоеванных ордынцами, преобладали настроения, которые никак не могли способствовать организации сколько-нибудь масштабного отпора захватчикам. Широкое распространение эсхатологических ожиданий, видимо, сыграло далеко не последнюю роль в “снижении обороноспособности страны”» [*Данилевский, 2001, 169*].

Более того, в русских летописях признавалась легитимность ордынских царей. Разрыв с этой традицией, признание царей «безбожными» осуществились достаточно поздно, только в 70-е гг. XV в., накануне свержения ордынского ига [*Горский, 2003, 169–173*]. Начало негативного восприятия Орды совпало с возвеличиванием Москвы как Третьего Рима, что не было случайно. Уничжительное отношение к «безбожным царям» распространялось и на их подданных, на всех «татар», как собирательный этноним нехристианских народов, живущих к востоку от России. После свержения ордынского ига усилилось русское колонизационное, по сути в цивилизационном аспекте – возвратное, движение на восточные территории. Оно поставило перед книжниками дополнительные проблемы. Кто они такие – «инородцы» и допустима ли их христианизация? Является ли осваиваемая территория за Уралом частью Святой Руси? Возможна ли безгреховная жизнь для христиан на языческой территории и среди язычников?

Ответы на данные вопросы в первоначальных вариантах, несомненно, были отрицательными. Их программировали эсхатологические ожидания и страхи перед «безбожными» чужаками. Рудименты таких представлений оказались весьма устойчивыми и сохранились до наших дней. Так, например, длительное время продолжались (в фолк-истории и до сего дня) поиски мест заключения мифических народов и их генетических связей с конкретными, в том числе и угорскими, этносами. Последняя значимая попытка осуществлена в книге «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса». В ней к по-

томкам Гога и Магога причислен ряд современных народов. Традиционно, хотя и бездоказательно, авторство этой книги приписывают известному проповеднику [*Иоанн (Кронштадтский), 2008, 61–62*].

Новые места жительства, не обладая всеобъемлющей святостью, оказались лишены религиозного ореола. Они были наполнены грехом, «обасурманены», более того, их сакральные свойства имели отрицательное значение. По средневековым воззрениям, именно за Уралом были заключены библейские «нечистые» народы Гог и Магог. Не случайно, что Урал, как маргинальная зона, находящаяся на грани цивилизованного мира, представлялся людьми того времени как край чудес. Это был вход в преисподнюю – ни больше, ни меньше [*Лунатов, 2003, 89–92*]. Итогом такого восприятия осваиваемых пространств было сужение сферы действия христианских норм, необязательность их строгого исполнения.

«Процесс первоначального этапа колонизации Сибири, – замечает петербургский исследователь М. Р. Маняхина, – сопровождался духовно-нравственным падением первопроходцев. Институт государственной власти на первоначальном этапе не обеспечивал регуляцию важнейших систем функционирования сибирского общества, что предоставило первым поселенцам полную свободу во всех сферах их жизнедеятельности – от интимной до общественной. Это объяснялось также рядом обстоятельств субъективного характера. Многие первопроходцы были носителями сомнительных морально-нравственных ценностей. Они по своему трактовали такие понятия, как долг, стыд, честь, совесть» [*Маняхина, 2004, 33*].

Широко известна «грубость нравов» первых переселенцев, их жестокость по отношению к аборигенному населению [*Грамота, 1994*]. С другой стороны, публичное признание греховности расширяло возможности для межэтнических контактов. Между пришельцами и аборигенами, согласно логике всеобщей греховности, отсутствовали принципиальные различия. Данное обстоятельство содействовало общей веротерпимости и аккультурации. Психические особенности пребывания религиозного человека

среди иноверцев раскрыты А. Л. Юргановым на примере исканий купца Афанасия Никитина, участвующего на чужбине в мусульманских религиозных обрядах: «“Вера христианская” не стала еще автономной частью существования человека. Она требовала ежедневного подтверждения причастности <...>» [Юрганов, 2009, 37].

Светский вариант «перевернутого» поведения продемонстрировали в Новом Свете участники знаменитого Бостонского чаепития 1773 г., переодетые индейцами племени мохок. Как полагают американские исследователи, маскарад с индейцами был вызван сходством между угнетенными аборигенами и белыми колонистами, страдающими от гербового сбора [Якушенков, 2017, 85]. По нашему мнению, аналогии были несколько иные. Образы «дикарей»-язычников прикрывали и оправдывали грехи самих колонистов, уничтоживших частную собственность – чай. При использовании маскарада с ряжеными «индейцами» преступное деяние как бы исчезало, оно оказывалось условностью, превращалось в фикцию.

Видимо, точно так же, умолчанием, оправдывали злоупотребления в Сибири сборщики ясака, русские торговцы и чиновная администрация. Табуированность сознания переселенцев, их нравственный релятивизм не могли сосуществовать бесконечно долго. Для изживания негатива требовалось признание осваиваемой территории своей родиной и противопоставление колонизируемой Сибири покинутой Европейской России. Хозяйственные успехи заставляли пришельцев создавать условия для формирования собственного внутреннего психического комфорта.

Эти процессы были долговременны, осуществлялись не разово, простираясь от храмов (святых мест) к городам, от городов к сельской местности. «Святые места в дикой местности привлекали святых людей, а святые люди в свою очередь создавали святые места» [Кивельсон, 2012, 200]. Со временем ареал святости распространился и на всю Сибирь. Предположительно это произошло в середине XVII в. ко времени С.У. Ремезова. При этом христианская святость затрагивала не столько людей, сколько территорию. Особенность христианской миссии у московских

агентов заключалась в том, что «они придерживались программы христианизации без обращения», – замечает исследовательница [Кивельсон, 2012, 203].

Мифическая Святая Русь была не столько конкретным социумом, сколько пространством, облагороженным деятельностью одиночных святых, храмами и монастырями. Жизнь большинства русских в Сибири мало соответствовала этим церковным канонам, что, впрочем, вполне соотносилось с эсхатологическими ожиданиями и самосожжениями старообрядцев. Исключение аборигенов из сакрального пространства – яркое свидетельство сохранения образов народов Гог и Магог, заключенных в пустыню. Однако пространство этой мифической пустыни, предвестия грядущего Апокалипсиса, неумолимо сокращалось, а сама она оказалась расщеплена на множество дискретных частей.

До Петра Великого массовые крещения аборигенов Сибири отсутствовали. Цивилизационный раскол России, порожденный реформами этого царя, вызвал множество отдаленных последствий. Одним из них стало изменение отношения к аборигенам. Установка Петра на их быстрое массовое крещение предполагала насильственный «взлом» культурной изоляции. Извне Россия открывала себя Европе. Изнутри она открывала аборигенов Сибири. В «Кратком описании о народе остяцком» (1715 г.) Г. Новицкий заявляет о своей цели: «повелением вышшей власти преодоленно Остяцкую сию страну известну явити миру. Егда прежде тмою неверия кумирслужения помраченную видевши, ныне же просвещенную светом истинным евангельской и толикой сему благодати божьей, светлое явися познание <...>» [Новицкий, 1941, 35]. Его сочинение построено на личных впечатлениях и провиденциалистских толкованиях событий [Демин, 2010, 258]. Отличие от средневекового мышления – исторический оптимизм этого автора, как и его вера в благодетельность просвещения и христианства.

Декларируемое включение остяков и вогулов, равно как и других этносов, в число христианских народов почти не изменило их верований или привычного хозяйственного уклада. Произошло иное – переосмысление привычных образов. Европейский

рационализм, в особенности эпоха Просвещения, редуцировали негативные оценки народов Сибири. Негатив к аборигенам в значительной мере миниатюризировался. Так, у академика И. Г. Георги при описании остяков и вогулов критические замечания присутствуют применительно к их семейно-бытовой и обрядовой сферам. Из характеристики аборигенного населения улетучивается предикат «безбожные», который заменяется менее экспрессивным словом «суеверие» [Георги, 1799, 61–74].

Наблюдателями постоянно подчеркивается, что у аборигена имеются не только религия, но хорошие нравственные качества. По их мнению, негативные явления в туземной среде вызваны «страстностью», пьянством. Ярким примером подобных оценок являются опубликованные в 1871 г. «Краткие записки о жителях Березовского уезда» [Шавров, 1871]. Новые образы в долгосрочной перспективе оказались способными воздействовать на трансформацию как наблюдателей, так и носителей. Аборигены начали постоянно сравниваться с русскими, и – самое главное – наблюдатели теперь соотносили их жизнь с христианскими идеалами и уровнем европейской цивилизованности. Заимствованная извне идея прогресса содействовала угасанию эсхатологических ожиданий.

В сборнике «Сибирь в составе Российской империи» утверждается, что правительство рассматривало распространение православия среди нерусских народов как общегосударственную политику их «обрусения» и уравнивания с правами крестьянского сословия: «Официальные материалы и воспоминания современников свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских “инородцев” следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием» [Сибирь, 2007, 219]. Соответственно, аборигенами усваивались особенности менталитета русского крестьянства. Хорошо известно, что, по представлениям людей традиционной культуры, дворяне и чиновники после Петра I оказались «обасурманены». Они, получив европейское образование, утратили ценностные православные ориентиры, а в привычном, долгосрочном понимании – «правду и веру».

Это отобразилось и в интеллигентском сознании, которое существовало на стыке европейской образованности и народной культуры. Оно также проверяло различные социальные страды на соответствие своим идеалам. Так, в частности отечественная интеллигенция обсуждала метисацию аборигенного и русского населения Сибири. Процессы взаимной аккультурации нередко оценивались негативно. По мнению Н. М. Ядринцева, «славянская раса при смешении своем с инородцами нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела в своих качествах; отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности» [Ядринцев, 2000, 184].

Священник П. Закомельский подмечал в 1898 г. в «Тобольских епархиальных ведомостях» жадность русских торговцев и множество положительных черт аборигенов. По его мнению, «остяк нравственно ближе стоит к христианству, чем к язычеству, и религиозно он недалек от христианских истин» [Закомельский, 2007, 221]. В своих умозаключениях еще более последовательным оказался К. Д. Носилов. В книге «На Новой Земле: очерки и наброски» (1903 г.) им фиксируются мифические рассказы аборигенов о встречах со Святителем Николаем и случаи ясновидения и предсказаний будущего. При этом писатель делает поразительный вывод: «Кто знает, читатель, быть может, мы с вами, живя среди довольства, роскоши, родных, друзей, по самому содержанию нашей жизни, не можем читать тех заповедных страниц книги природы, которые открыты этим дикарям... Кто знает, читатель, быть может, эта чистая душа дикаря и его детство привлекают к нему того, кто всю жизнь приходил к погибающим и обремененным, и он приходит и теперь к тем, кто действительно предоставлен самому себе в этой суровой обстановке жизни, кто действительно способен верить и молиться... Как много мы еще не знаем в природе. Но это еще ничего: досадно то, что мы так уверенны в себе, так слепы ко всему подобному... И мы будем

всегда такими, потому что не имеем такой чистой души, как этот дикарь, не умеем верить и молиться...» [Носилов, 1997а, 55].

Для писателя отсутствовало лобовое противопоставление между аборигенами с их наполовину языческими, наполовину христианскими представлениями и официальным православием. Подлинная вера означала свободное присутствие на территории чудес. «Станный народ, странная жизнь, странные верования, – размышлял К. Д. Носилов о религиозных представлениях коренных жителей Конды. – Но я думаю, что эта странность многое потеряет, если мы, отбросив свои предвзятые взгляды, просто заглянем глубже в нашу жизнь, взглядем в некоторые странные случаи из нашей жизни, в которых нельзя не найти чего-то такого, что уже знакомо тем детям природы, которых мы называем дикарями...» [Носилов, 1997б, 23].

Вера в неиспорченного «дикаря», живущего в чудесном природном мире, вне греховной цивилизации, содействовала возвышению новых образов. Ранее у нерусского населения Сибири, воспринимаемого как орудие Божьего гнева, отрицались моральные качества, теперь же, напротив, за ним признавалась нравственность, недостижимая для цивилизованного человека. Для образованной личности, в соответствии как с Библией, так и социалистической доктриной, низы общества, и в их числе якобы наивные, но верящие в Бога аборигены Сибири, стали объектами вероятного спасения. Дело оставалось за «немногим»: совестливый пастырь (в церковном или светском вариантах) был обязан действовать, защищая угнетенные «инородческие» низы.

С давних времен подразумевалось, что путь, «ведущий к народному благу, непосредственно народом не осознается и самостоятельно им быть пройден не может» [Черников, 2015, 154]. Соответственно, не требовалось утруждать себя «неудобными» вопросами о том, насколько сами аборигены желают участвовать в радикальных преобразованиях. Они по-прежнему воспринимались не вполне дееспособными субъектами, с инициированной извне активностью. На место Бога встали иные силы, претендующие на «открытие» и последующее насильственное использование потенциала народов Сибири.

Светская интеллигенция, противостоящая власти, была ориентирована на достижение социальной справедливости, без каких-либо национальных исключений. Регенерация старинных «веры и правды» означала тотальную неотвратимость наказания в этой жизни (реализация Апокалипсиса), причем без участия божественных сил. Исходя из рудиментарного понимания евангельских притч (Мф. 19:30: «будут первые последними, и последние первыми»), отечественная мысль продолжила инверсионные перестановки в осознании аборигенов. Их образы, претерпев очередную трансформацию, так и не смогли вырваться из прежнего, хотя и видоизмененного, мифического массива и достичь качественно иного соответствия с отображаемыми объектами.

Глава вторая. Люди и образы

2.1. Тугарин Федоров: сибирский провинциал

Эпоха великих географических открытий изменила мир. Она преодолела многовековую замкнутость европейской цивилизации. На западе Европы эта эпоха была связана с именами Колумба, Васко да Гамы, Магеллана, других известных путешественников и первооткрывателей. На востоке Европы, в России, с ними связаны подвиги Ермака, Атласова, Дежнева, других землепроходцев. И все они – казаки. Что мы знаем о казачестве? В массовом сознании его образ мифологизирован. Особенно не повезло казачеству Сибири. Сегодня для широких слоев сибирское казачество практически неотлично от других казачьих объединений. При этом парадоксально эксплуатируется тезис об уникальности казачьих социумов в мировой истории.

Между тем, казачество, в том числе и сибирское, имеет определенные аналоги в истории и, действительно, ему присуще немало специфических черт. Необходимо предварительное рассмотрение ряда вопросов о происхождении казачества, его отличительных особенностях и функциях на территории Югорского края. Для осознания казачества необходимо вернуться к тому времени, когда оно зародилось. Не секрет, что в ряде случаев определенные социумы способны погружаться в архаику. Регенерация отживших структур оказывается вполне возможна в критических условиях постоянных военных действий. В такие времена наблюдается своеобразное инверсионное движение. Оно особенно характерно для периферийных зон.

По мнению исследователя В. Михайлина, устойчивости статусных центральных кровнородственных или территориальных характеристик «в воинском союзе противостоит принципиальное отсутствие константных, изначально “приписанных” индивиду составляющих индивидуального статуса. Жестко предустановленные иерархические отношения, существующие в каждый кон-

критный момент времени между членами воинского мужского союза (или любой группы, построенной по аналогичной модели), опираются на сугубо ситуативный баланс индивидуальных символических капиталов, который может быть пересмотрен в каждый следующий момент в зависимости от изменившейся ситуации. Сама жесткость “стайной” иерархии – лишнее тому подтверждение: только так “иерархия равных” может оставаться дееспособной, ведь каждый из составляющих её элементов есть, по сути, величина переменная. Это – территория “судьбы”, противопоставленной “статусу”; территория азартных каждодневных ставок на выигрыш и проигрыш; территория демонстративных поведенческих стратегий и – территория “свободы”, “индивидуального выбора”, “личного самоопределения”. Социальные связи здесь атомизированы и лишены многомерности, характерной для “центральной” культурной зоны» [Михайлин, 2008, 85–86].

В. Михайлин пишет о пиратах, но, по его же мнению, этим образам равнозначны фигуры разбойника или повстанца. От себя добавим – викинга, ушкуйника, казака, землепроходца. Этологи полагают, что потребность в расширении обитаемой, освоенной территории является базовой для всех живых существ. И человек здесь не является исключением. Иной вопрос, что та культура, порождением которой стали маргиналы, не успевала укорениться на землях, еще недавно ими захваченных. В итоге, на некоторое время между освоенной территорией, где господствовали правовые нормы государства, и чуждой землей возникали своеобразные «зазоры», лимес, объёмные полосы ничейного пространства. Именно там и жили казаки.

В условиях пограничья они были вынуждены выполнять те функции, которые, вообще-то, относились к компетенции государственных властей. Пренебрежение к законам соседствовало с максимально жестким соблюдением правовых норм, разумеется, когда они не противоречили интересам казачества. В обоих случаях это был осознанный выбор, опирающийся на традиции и корпоративные ценности. Историк В. Лапин емко назвал подобное явление «приватизацией войны». По его мнению, она «выражалась в специфическом поведении солдат и офицеров, ко-

торое отличалось прежде всего высоким уровнем личной и корпоративной мотивации. Приказ командования сохранял значение побуждающего импульса, но терял роль абсолютной доминанты, а часто явно отходил на задний план» [Латин, 2008, 180].

Осуществление государственных функций частнопровым образом достаточно ярко продемонстрировал поход Ермака. В «Сибирском взятии» сошлись ряд субъективных и объективных моментов. С одной стороны, российские владения уже приблизились к Уралу, что было следствием колониационного движения на северо-восток. В этом движении издавна участвовали жители Восточно-Европейской равнины. С другой стороны – присутствовал ситуационный наем казачьей дружины Ермака на службу к именитым людям и солепромышленникам Строгановым.

Им, казакам, уже не оставалось места на Волге. После присоединения Астрахани Поволжский регион стал полностью российской территорией. Правительство Ивана Грозного сделало ставку на искоренение разбойных нападений. Ермаковская дружина, не отличавшаяся законопослушностью, была вынуждена уйти с Волги. Она решила охранять владения «именитых людей», а заодно и все русское население Западного Приуралья. До сих пор окончательно неясны побудительные причины и инициаторы знаменитого похода. Ученые дискутируют о его временных рамках, личности атамана, обстоятельствах гибели, месте захоронения.

Для истории сибирского казачества важнее иное. Победив Кучума и захватив его столицу Искер, казаки оказались перед нелегким выбором. Что делать? Пытаться удержать гигантскую территорию собственными силами, сделав её вольным казачьим краем? Уйти восвояси с богатой добычей? Или передать Сибирь России и ждать помощи из Москвы? Реализовано было последнее решение. Очевидное сегодня, тогда оно не выглядело удачным, применительно к 80-м гг. XVI в. Как известно, Иван Грозный отличался садистской жестокостью и непредсказуемостью. Отсутствовали гарантии, что самодержец примет подарок от объявленных вне закона «воровских людишек» (ведь ранее на Волге

ермаковские казаки разграбили русско-ногайское посольство, вызвав гнев царя).

Выбор казаков не оставлял для большинства из них никаких шансов на выживание. Царь, даже если он и примет подарок, далеко. Помощь придет не скоро. А озлобленный хан Кучум – рядом. Силы казаков таяли. И всё-таки они пошли на этот шаг! Их инициативность, личная ответственность за принятие решений о вопросах ведения войны или заключения мира переволплотились в хорошее государственное видение геополитических проблем. И ничем иным, кроме патриотизма, такое решение объяснить нельзя. У расставшихся с суровой страной беглых холопов и крепостных, преступников и грабителей искреннее чувство любви к Родине-мачехе оказалось выше материальных выгод и собственной жизни. Они понимали, что судьба предоставила им (и всей России!) исторический шанс на присоединение Сибири. Они воспользовались им в полной мере, невзирая на высокую цену.

Ермак и его сподвижники за несколько лет совершили качественную социокультурную эволюцию, доступную немногим. Им удалось пройти путь от анархистской вольной преступной жизни к относительно цивилизованному военному найму. А затем – и к беззаветному служению своему Отечеству. Дружина Ермака осталась в памяти казачества примером доблести и осознанного выбора. Несомненно, что героическое «Азовское сидение» донских и запорожских казаков в 1637–1642 гг. было вдохновлено нравственным подвигом участников «Сибирского взятия». В обоих случаях стремление к захвату добычи и личному обогащению оказалось отодвинуто в пользу служения своему Отечеству.

Ермак и его героические сподвижники заложили те основы, на которых в последующие времена существовало сибирское казачество. Главная из них – государева служба и верность России. Сибирское казачество появилось позднее, чем казачество на Украине, в Диком поле или на Дону. И оно не стало заимствовать отрицательный опыт своих предшественников. Весьма характерно, что наше сибирское казачество не участвовало в антигосударственных восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачева, не

делало попыток вернуться к разбойной жизни или уйти за пределы государства.

Стратегическое значение «Сибирского взятия» Россия почувствовала уже через четверть века после гибели Ермака и смерти Ивана Грозного. В Смутное время страна утратила собственную государственность. Чтобы изгнать интервентов, нужны были воины, деньги, а самое главное, преданность идее освобождения страны. И казачья Сибирь здесь сказала своё веское слово. Ясак, собранный с аборигенов, поступал на покрытие военных расходов. Те казаки, которые доставляли пушнину, не имели права «ошибиться адресом» и доставить груз ко двору очередного Лжедмитрия. Но они, не искушенные в большой московской политике, и не ошибались! В ходе Смутного времени Сибирь всегда поддерживала законное центральное правительство, не унижившись до признания кого-либо из авантюристов. Увы, далеко не все русские земли смогли избежать подобного искушения...

Служилое население Сибири к началу Смуты было немногочисленно. Казаков, способных носить оружие, было ничтожное количество, всего несколько сотен. Служилых людей на просторах Сибири не хватало. Остро. Они, первые управленцы, обладатели бесценного опыта, были на вес золота. Только-только были построены первые остроги, еще не прекратили разорительные набеги прямые потомки Кучума и степные царьки. Тем примечательнее, что и сибирские казаки приняли участие в защите и восстановлении отечественной государственности. Пока еще слишком мало известно о жизни и подвигах этих сибирских героев.

Так, например, в разгар Смуты казак Тугарин Федоров, в 1610 г., прибыл из Сургута в столицу с государевой пушной казной. Московские власти быстро определили деятельного казака в войска выдающегося полководца М. В. Скопина-Шуйского. И Федорову пришлось воевать: сначала против Тушинского вора, затем в составе ополчения К. Минина и Д. Пожарского освобождать Москву от поляков. Не скоро вернулся лихой казак в далекую Сибирь. Много времени спустя, в 1626 г., в челобитной он упоминал о своих заслугах во времена Смуты: «бился явьственно и многижды был ранен».

Из челобитной известна его воинская специальность: «языки многие имал» [*История, 1999, 82–83*]. Сегодня про такого сказали бы: спецназ, фронтовая разведка. По всей видимости, службу Т. Федоров начал еще в 1591 г. Она продолжалась до его смерти в 1639 г. [*Вершинин, 2008, 20*]. Ему довелось служить в Лозьвинском городке, Пельме, Сургуте. Затем были дальние и опасные походы за ясаком, основание острогов, консультации московских властей [*Миллер, 1999, 427–431*], участие в подавлении Смуты, пребывание агаманом в Сургуте [*Солодкин, 2015*]. Допустимо утверждать, что Тугарин Федоров и его товарищи стояли у истоков традиции, которая и определила типичные ментальные установки сибиряков: ездить в Москву – необходимо, помогать Москве – необходимо. Но сколько бы ни находился активный человек в Европе, провинциал возвращается туда, где он нужен, – в Сибирь.

Известно, что жизнь ермаковских казаков и их преемников служила образцом героизма и для последующих поколений казаков. В семнадцатом веке казачьи отряды шли через сибирские дебри. Они «приискивали» новые земли – страна остро нуждалась в пушнине. Объясачивание сибирских аборигенов, конечно же, осуществлялось насильственным путем, и казаки не были образцами добродетели. Но приведение к покорности означало для аборигенов и полное окончание войн, набегов, резкое сокращение числа рабов, ответственность государства за жизнь новых, выгодных подданных. Вслед за казачьими отрядами двигались торговцы, крестьяне, священники, великая русская культура.

В старорусском языке идти «посолонь» означало идти на запад, но солнце, как и будущее Сибири, всходило на востоке. Именно туда, «встреч солнца», двигались казачьи отряды. Что побуждало первопроходцев к движению на Восток? В нижеприведенной схеме (рис. 4) нами предложено следующее объяснение:

Так, обретение личной свободы от внешнего давления оборачивалось у казаков-землепроходцев регенерацией архаики (представленной казачьими традициями). Нахождение на ничейной территории, в зоне фронта, вело к маргинальности, дисциплине, к появлению адаптационных способностей к новациям. Исторические перипетии не могли не породить у казаков лич-

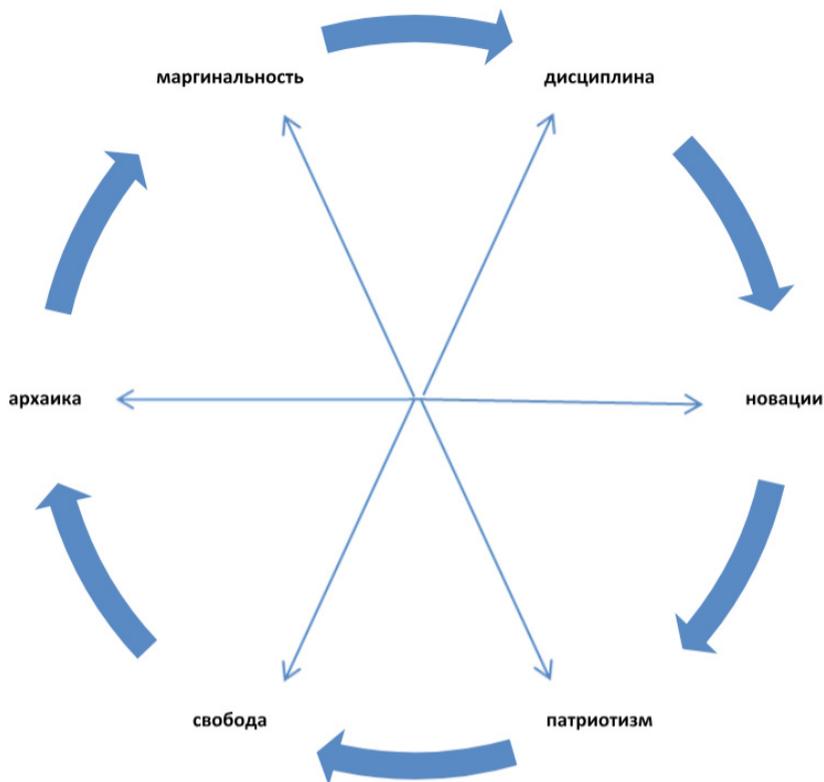

Рис. 4. Мотивационные предпочтения сибирского казачества

ной гордости, перераставшей в патриотизм. В итоге, через ряд опосредующих звеньев их свойства перерастали в собственные противоположности. Казачья свобода здесь противостояла дисциплине, архаика – новациям, маргинальность – патриотизму. Внешняя антиномичность казачьей жизни сосуществовала с внутренним единством противоположных свойств.

Всё это содействовало реализации потенциальных возможностей казачества в Сибири. При жизни одного поколения казаки прошли через всю Сибирь и к концу 30-х гг. XVII в., при жизни последних свидетелей и участников «Сибирского взятия», уже достигли берегов Тихого океана. Европейским колонизаторам

в Северной Америке для достижения тихоокеанских берегов времени потребовалось почти на сто лет больше. Такого быстрого продвижения в суровом северном климате мировая история не знала. Казаки не только воевали, они разведывали, прокладывали дороги, плыли во многолетних экспедициях, закладывали остроги, строили корабли. Строили сибирский фасад большого дома, имя которому – Великая Россия.

Емко и красиво о подвиге землепроходцев, ядром которых были казаки, сказал в стихотворении «На краю России» советский поэт П. С. Комаров:

Землеходцы прошли босые,
Топором пролагая путь.
Не забудь же их, мать Россия,
Добрым именем помянуть!

[Комаров, 1990].

2.2. Константин Носилов как Франциск Ассизский

Рис. 5. К. Д. Носилов

«Он никогда не замахивался на крупные жанры, писательское дыхание его было коротким. Это не недостаток: из его сюжетов можно накроить немало повестей и романов, но он придерживался своего принципа. Писал только о том, что хорошо знал. Возможно, богиня фантазии не часто парила в его писательском кабинете, но ведь то, что он видел за многотрудную жизнь, для многих было поистине фантастично. Если читать все книги подряд, скоро начинаешь узнавать героев – они связаны и местом действия, и временем. Если задаться целью, можно проследить, как один рассказ как бы “вытекает” из сюжета другого. Сдается, наш автор молился одному богу – достоверности» [Омельчук, 1989, 135–136].

Эти чеканные строки тюменского публициста А. К. Омельчука из его книги «К. Носилов» для историка многое расставляют по своим местам. Нет сомнения, что правдивое литературное произведение, не обремененное авторской фантазией, будет, как художественный текст, обладать ценностью исторического источника. Но признание этого обстоятельства не только не отменяет критики данного источника, но и, напротив, предполагает подключение изодранных исследовательских практик. При изучении биографии К. Д. Носилова – действенная возможность применять наработки из соседних областей гуманитарного знания.

Исследование взаимоотношений К. Д. Носилова с аборигенами Сибири представляется достаточно актуальным. Известно, что материалы из работ зауральского путешественника широко используются как историко-этнографические источники. Специалисты, при дефиците информации о носителях традиционной культуры, достаточно часто обращаются к произведениям К. Д. Носилова. Вполне допустимое критичное отношение к автору многочисленных публикаций (ненаучный подход, предвзятость, излишняя легковесность, беллетристика) все же грешит некой ущербностью. При таком подходе личность самого Носилова остается за пределами внимания специалистов и за рамками исследовательского интереса.

В советское время большая часть литературного наследия писателя была не востребована. В его произведениях слишком сильна была религиозная составляющая, не приемлемая для строителей нового мира. Переиздавались только отдельные рассказы о детях аборигенов. Соответственно, отсутствовало и системное изучение творчества К. Д. Носилова. На сегодняшний день нет полной библиографии трудов писателя, рассыпанных по сотням старых и современных изданий, не проведено полноценное выявление архивных материалов о его жизни. Так, в частности в Государственном архиве города Шадринска достаточно «тощий» личный фонд исследователя в основном состоит из фотокопий опубликованных им некогда работ [ГАШ. Ф. р-1070].

Историография работ о Носиллове так же достаточно короткая. Всего несколько авторов написали очерковые научно-

популярные работы о личности этого незаурядного человека [Донских, 1931; Бирюков, 2008, 445–460; Вехов, 2000; Омельчук, 1989; Осинцев, 1993; Охапкин, 2012]. Почти все эти историко-краеведческие труды создавались в советское время с определенной целью: возвеличить знаменитого земляка. Естественно, что неудобные вопросы в них замалчивались и сглаживались. Единственным исключением является вышеупомянутая работа А. К. Омельчука. В этой публицистической книге присутствует немало интересных размышлений, хотя и поданных со строго официальных советских позиций.

Какие источниковедческие вопросы допустимо поставить при анализе текстов литературных произведений К. Д. Носилова? Важнейшим среди них будет вопрос о мировоззрении самого исследователя и его истоках. Как он воспринимал окружающий мир и каким образом моделировал его в своем литературном творчестве? Каковы были причины, побудившие Носилова заняться описаниями природного мира и людей традиционной культуры? Чем была порождена его тяга к путешествиям? Что толкало известного исследователя провести значительную часть своей жизни вдали от привычного комфорта?

Разрешение данных проблем немислимо без понимания воздействия социального окружения на личность писателя. Кто же он такой, Константин Дмитриевич Носилов? Различные справочники сообщают о полярном исследователе, путешественнике, этнографе, журналисте. Родился он в 1858 г. в семье священника с. Маслянского Шадринского уезда, умер в 1923 г. в местечке Пиленково в Абхазии. Между этими крайними датами лежит незаурядная жизнь, наполненная множеством событий, путешествий, сотнями публикаций. В России начала XX в. имя К. Д. Носилова было хорошо известно благодаря его литературному таланту и сотрудничеству с замечательными русскими педагогами и книгоиздателями Д. И. и Е. Н. Тихомировыми. Книги Носилова выходили массовыми тиражами в сериях «Юная Россия», «Библиотека детского чтения», «Библиотека семьи и школы», «Учительская библиотека». Произведения К. Д. Носилова были неоднократно

официально рекомендованы для изучения школьниками младших классов и воспитанниками кадетских училищ.

Причина столь большой популярности зауральского автора кроется в талантливой поэтизации природы, понимании сокровенного мира детства и значимости духовных ценностей в жизни каждого человека. Истоки его творчества обнаруживаются в той сельской действительности, которая окружала будущего писателя в детские годы. Шадринский уезд был своеобразной стыковой территорией, на которой происходили контакты различных культур. Здесь встречались лес и степь, Азия и Европа (административно Шадринский зауральский уезд относился к европейской Пермской губернии), люди неодинакового социального положения, разной этнической и конфессиональной принадлежности.

В уникальном положении находилась и семья самого Носилова. Стоит ли говорить, что священник и его близкие на селе всегда оказывались в центре внимания? А если к тому же священник был достаточно образован, сравнительно богат и проживал в той местности, где присутствовало не только официальное православие, но и оппозиционное старообрядчество? Не здесь ли кроется одна из причин определенного отчуждения Носилова от социальной действительности и подспудного стремления к одиночеству?

Впрочем, сам Носилов в рассказе «Мое первое путешествие (Из воспоминаний детства)» объяснил происхождение своих пристрастий более конкретно. У него одними из наиболее ярких детских впечатлений были встречи с бродягами. Как известно, Шадринский уезд лежал на столбовой дороге из Сибири в европейскую часть России. Соответственно, местные жители летом на дорогах, бывало, встречали бродяг (многие из этих несчастных возвращались домой, «в Расею», сбежав с каторги или поселения). Интересно, что в местностях, где присутствовал беглый элемент, действовало неписаное правило: стороны относились достаточно благожелательно друг к другу. Дело доходило до того, что попадая, мать будущего писателя, могла и подвезти бродяг до города в своей конной тележке.

Ореол загадочности тех, кто путешествует, привел к тому, что на вопросы взрослых о будущей профессии малолетние братья Носиловы ответили по-разному. Старший из поповичей – Гино – заявил о желании быть архиереем, а вот младший, Константин, к неудовольствию родителей, решил стать странником! Сказано – сделано, ведь всякое неожиданное слово запоминается. И особенно – в детском возрасте. И, действительно, пытливому мальчишке были интересны именно походы, вплоть до того, что он однажды по собственной инициативе дошел до расположенной в нескольких верстах от родного села многолюдной Крестовской ярмарки, одной из крупнейших в России [*Носилов, 1908а, 100–113*].

Следует учесть и иные, схожие обстоятельства. Для христианской культуры юродивые, странники, нищая братия были неотъемлемой частью повседневной религиозной жизни. Так, например, в рассказе «Маленький Христос» Василий Симоновский, дедушка Константина, частенько радушно принимает у себя в доме, в селе Ичкинском, «странных людей»: монахов, странников, прохожих, старцев [*Носилов, 1915а, 25–39*]. Заметим, что в те времена, при отсутствии хороших транспортных сообщений, родители, занятые хозяйством или службой, нередко отправляли детей в практически самостоятельное путешествие: погостить у дальних родственников или на учебу в уездный или губернский город. Хорошо еще, если юных путешественников в их многодневной дороге вез знакомый попутный ямщик или крестьянин, занятый извозом. Такое путешествие детей описано в рассказе «Возвращение со святок». Его автор приходился родственником К. Носилону [*Инфантьев, 1909, 121–149*].

Детям в традиционном обществе вообще предоставлялась большая самостоятельность. Малодеходные сбор ягод, грибов, рыбалка с удочкой считались несерьезными, во многом детскими занятиями. В деревенском мире занимались рыбным или охотничьим промыслом, и это великолепно показано в автобиографических рассказах Носилова, люди не от мира сего: чудачки, одиночки, оригиналы. И, напротив, такая мелочная подсобная работа для детей была хорошим средством социализации. В рассказе «За

саранками» [*Носилов, 1908а, 46–62*] автор передает собственные малолетние эмоции: возьмут ли его старшие дети в лес искать съедобные луковицы диких лилий?

Сельский социум умело создавал для начинающего промысловика положительную мотивацию. В рассказе «Горе-рыболов» приводится традиционное приветствие рыбакам: «Клев на уду!» Отвечать полагалось: «Спасибо!». Однако стоило мальчишке лишь раз оказаться в смешном положении, как интерес к рыболовству у Константина пропал [*Носилов, 1911а, 9–12*]. Возможно, здесь проявилось и отсутствие близкой дружбы со своими деревенскими сверстниками. В автобиографических рассказах она особо не зафиксирована. Еще раз стоит обратить внимание, что семьи духовенства в деревне были на особом положении. По мере взросления юного Константина начала привлекать охота, которая еще более, чем рыбалка, была удалена от человеческого жилья.

Но и профессиональным промысловым охотником Носилов не стал. Помешали те ценностные установки, которые ненавязчиво были переданы мальчику окружающими его людьми. Это уже упомянутый священник В. Симоновский, который держал у себя дома журавлей, но был против поимки лягушек им на корм. «Он учил нас любить и журавлей, и лягушек, говоря, что и лягушки хотят жить, как и журавли, и что для того, чтобы журавли были счастливыми, достаточно для них и одного гороха», – сообщалось в рассказе «Дедушкины журавли» [*Носилов, 1911б, 40*]. Это и тонкий ценитель природы, страстный охотник из деревни Погореловки (её подлинный географический прототип – Погорелка), описанный в рассказе «Дядя-кузнец». Он устроил для деревенских ребятишек у себя дома настоящий зоологический музей [*Носилов, 1911б, 45–63*].

Бережная охота, по их мнению, не предполагала истребления животных исключительно для собственного удовольствия. Детские впечатления привели к тому, что К. Д. Носилов в последующем отрицательно относился к хищному разрушительному поведению человека в животном мире. В рассказе «Птичий остров» писатель демонстрирует варварское разорение самоедрами гнездовой при добыче яиц. «Я, обыкновенно, всегда убежал

от этого тяжелого зрелища. Мне стыдно было за человека, за его кровожадность, за его безрасчетность, наконец... Нужно человеку чем-нибудь прокормить себя, – возьми от природы, сколько требуется тебе, – возьми расчетливо, без озорства. Нет, – человек давит птицу руками и ногами, бьет её об скалу, топчет гнезда и яйца, словно обезумевши среди этого отчаянного птичьего крика и потоков крови, которая льется по скалам» [Носилов, 1998б, 87].

Еще один рассказ «В Киргизской степи» посвящен эволюции поведения переселенцев из Украины в казахских степях. Вначале идет романтическое описание жизни на заимке в первые годы колонизации, когда у рассказчика «взрослые сыновья и даже дочери превратились как бы в дикарей и дикарок» [Носилов, 1915б, 65]. Все новоприбывшие с увлечением занялись охотой. Первые восторги затем сменяются сухими негативными оценками: «Природа уступила своё место промышленности, и человек уже не охотился, а вел животноводство, не наслаждался природой, а выжимал из нее копейку. Девушки не скакали лихо на степной дикой лошади, а сидели у окошек нарядные и скучные, а молодые люди не пропадали на охотничьем промысле, забросив даже ружья, а ходили с гармониями и пьяным разгулом» [Носилов, 1915б, 73–74]. В рассказе приводится предупреждение главного персонажа, переселенца-деда охотникам: «Выбьете дичь, перепугаете больше её, и она оставит эти места, благословленные Богом, предназначенные для человека» [Носилов, 1915б, 65–66].

Писатель показывает, что пренебрежение к природе меняет и самого человека: «Это была новая Россия. Даже изменился резко самый язык, наречие. Хохол выродился в какого-то жадного и не особенно приветливого сибиряка». Старший сын переселенца-деда Никеша завел маслодельное предприятие, лавку, городскую обстановку, давал деньги в рост. Для его верующего отца всё это было нравственно неприемлемо:

– Вон кто работает на пашне у моего Никеша – киргизцы, рабы! Ну скажите, для этого мы ехали в степь, чтоб заводить рабов и наживать на спине их деньги? Сказано в Писании: «В поте лица ешь хлеб», а мы вместо того завели торговлишку, обман.

И вот ловим в эту петлю бедных киргизов и заставляем их отработывать взятое» [*Носилов, 1915б, 71*].

Носилов последовательно отрицает хищничество как по отношению к природе, так и по отношению к человеку. Для него подлинная вера несовместима с бесцельным убийством любого живого существа. Так, мальчик Зося, главный герой одноименного рассказа, сын богатого крестьянина и детский друг Кости, истово религиозен. Он поет на клиросе и озабочен тем, чтобы не впасть в грех. Однако религиозность Зоси отнюдь не мешает его охотничьим увлечениям. Характерна последующая взрослая оценка писателя поступков детей: «Какие мы дикари ещё, в самом деле!» [*Носилов, 1908а, 82–85*].

Под пером писателя Бог и природа сливаются воедино. Не случайно, что в коротком рассказе «Инок» молодой монах-зырянин на Соловках обращается с призывом к своему собеседнику:

– Любите лес, – закончил он, – в нем Бог! Лес – это храм для молитвы! [*Носилов, 1910, 67*]. Здесь вполне допустим поиск культурных аналогий, но писатель Носилов в целом был далек от отвлеченных размышлений. В своих литературных произведениях он не только передает красоту природы, но и доказывает, что животные также способны чувствовать, переживать, страдать. Это носиловские рассказы «Наши «инженеры», «Пип», «Клуша», «Ворона», «Пуночки», «Яхурбет».

Рассказ «Волки. Из детских воспоминаний» производит особенно сильное впечатление. Его начало просто и эпично: «Совсем не стало волков в нашей стороне, как и многого другого зверя. Да и где водиться нынче серому волку? Леса все повыврублены и вывезены на дрова в город; болота, займища, где так любил прятаться и устраивать себе логово волк, уже все высушены» [*Носилов, 1908а, 1*]. Теперь крестьяне перестали бояться зорить волчьих гнезда. Что же их сдерживало раньше? Многое, в том числе и страх, что потерявшая щенков волчица придет и будет выть под окнами избы охотника.

«Говорят, что это ужасное зрелище, – сообщает писатель, – волчица худая, облезлая, голодная, думающая только о щенках, с жалким выражением глаз, которые то вспыхивают недобрим

зеленым огоньком при виде человека, то покрываются слезами, неотступно преследует охотника. И случается, что даже черствый крестьянин и тот отступает перед её материнской любовью и уходит прочь от её логова, не вынеся её жалкого вида» [*Носилов, 1908а, 30*]. Воспоминания детства о волках, о том, как эти хищники зимой резали домашний скот, для Носилова оказываются только зачином, художественным способом донесения до читателя естественности и красоты природного мира. Писатель отнюдь не против охоты на опасных хищников, он боится другого – их полного истребления.

Такое восприятие природы во многом объединяло взгляды К. Д. Носилова с мировоззрением коренных народов Севера. И. С. Кон отмечал, что первобытное сознание «не ставит резкого водораздела не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой вообще. Силы природы еще не противопоставлены человеку, а находятся с ним в таинственной связи. Он принадлежит к ним, а они продолжают его» [*Кон, 1978, 125*]. Для Носилова жизнь аборигенов Севера была более естественна, чем у его цивилизованных современников. Будучи религиозным человеком, писатель считал, что близость к природе перевоплощается в близость к Богу.

Во внутреннем мире писателя чудеса были обыденны в экстремальной жизни на Новой Земле или в глухих таёжных дебрях Кондинского края. Но чудеса были возможны и в стенах Долматовского духовного училища, где учился малолетний Костя Носилов. Жизнь воспитанников этого училища в середине XIX в. была достаточно сурова. Мальчик, вырванный из родного дома, оказался далеко не в добром мире: «Нас били и наказывали, драли за каждую малость, и не проходило ни одного урока без подобных жертв, которые робко сами шли на кухню к старому солдату для сечения. В классах били нас учителя по чем ни попало, били по лицу, били по шее, таскали за волосы, как таскают пьяные подмастерья своих несчастных учеников» [*Носилов, 1915а, 11*], – так описывал годы своей детской учебы Носилов в рассказе, посвященном монаху Августину.

Именно Августин сумел поддержать отчаявшегося мальчишку и показал ему подлинные человеческие чувства. Он смог нейтрализовать для своего подопечного как угрозу унизительного сечения на кухне, так и повторное желание ученика сделаться бродягою. К келье старца многие верующие приходили за утешением и даже публичным покаянием. Существовало множество преданий о его святости, прозорливости, способности предсказывать людям их грядущее. Часть предсказаний старец передавал для бабушки будущего писателя, с которой был лично знаком [Носилов, 1915а, 15–19]. Итак, перед впечатлительным мальчиком вновь возникли два мира: свободный мир природы, подвижничества, добра, уединения и несвободный мир, в котором царили человеческая жестокость, формальное обучение и официоз.

Стоит ли удивляться, что в последующем Носилов так и не окончил Пермской духовной семинарии, не получил высшего образования, хотя и слушал лекции в Парижской Сорбонне. Он выбрал свободу (передвижения, творчества, вида занятий) и одиночество. С одной стороны, вдумчивого исследователя отличали широчайшая эрудиция, стремление к новому, а с другой – отсутствие научной системности, четкой специализации, а в ряде случаев и демонстративное отчуждение от социума. Здесь, несомненно, имеется сходство принципов Носилова как с христианскими традициями (к Богу близки наивные, не испорченные люди и безгрешные дети), так и с просветительскими идеалами от Руссо (близкие к природе благородные дикари, не испорченные цивилизацией).

Заметим, что данная позиция была достаточно распространена в российском обществе. По мнению американского исследователя Ю. Слэскина, еще в первой половине XIX в. в глазах образованных русских «невинная природа породила невинных детей, и вскоре сибирский литературный ландшафт оказался населен гордыми туземцами, которые “бесстрашно бродили вокруг шаманских могил”, не ставили ничего превыше свободы и наслаждались простыми радостями беззаботного кочевого существования» [Слэскин, 2008, 95]. Как провинциальный писатель, Носилов также был вынужден придерживаться определенных

литературных традиций. На литературном горизонте он не был звездой первой величины и в своем творчестве представлял для образованного читателя уже во многом привычные, узнаваемые туземные темы. Он писал о том, что импонировало ему лично и было благосклонно востребовано широкой читающей публикой.

Так, например, его освещение мира детства на примере разных этносов (русских, вогулов, самоедов, «киргизов») интриговало читателя и неплохо служило просветительским целям. Детские персонажи К. Д. Носилова («Сестра Оля», «Таня Логай», «Таня Богданова (Из уральской старины)», «Юдик», «Дедушка Савва и его внуки», «Галейко. Из жизни киргизов» и др.) всегда максимально симпатичны и практически лишены недостатков. При этом их индивидуальные качества во многом растворены в клишированных сентиментальных описаниях. Сложно сказать, какие причины превалявали в подобном выборе писателя: литературная конъюнктура, его подспудная тяга к детям и полноценной семейной жизни (Носилов очень поздно создал семью и обзавелся потомством), чувство подлинного гуманизма или сохраненная уже взрослым человеком свежесть собственных детских воспоминаний?

При создании детских образов, в первую очередь образов детей аборигенов, писатель с удовольствием демонстрирует запоминающиеся экзотические детали, не привычные для «обычного» юного русского читателя. Однако автора подводит его мировоззренческая заданность. Исходя из лучших побуждений, читателю предлагается непременно любить (или как минимум – жалеть) этих литературных героев. Разумеется, что только на основании таких художественных творений невозможно полноценно изучать этнографию детства. В произведениях Носилова по отношению к туземным детям, как и к аборигенам вообще, во многом реализована привычная российская парадигма. Для их блага обязательно нужно немедленно что-то делать: проявлять эмоциональные чувства, распространять христианство, осуществлять просветительские проекты.

Симпатизируя миру традиционной культуры, К. Д. Носилов отнюдь не идеализировал его. Он не уклонялся от публичного

обсуждения деликатных вопросов: распространения пьянства, антисанитарии, болезней, темных суеверий в среде аборигенов. В то же время он не снимал ответственности за бедствия коренных народов с русского общества, предпринимательских слоев и официальных властей [Носилов, 1885]. Он многое сделал для того, чтобы застарелые проблемы не были скрыты за заговором молчания. По мнению писателя, назрела острая необходимость в радикальном изменении культуры и социальных отношений в аборигенной среде.

Трансформация культуры понималась им однозначно. Для Носилова-христианина были неприемлемы кровавые жертвоприношения; он не скрывал тяжелых чувств, наблюдая ритуальное умерщвление и поедание оленей. Интерес этнографа противоречил его мировоззрению, в котором осуждалось мучительное убийство животного [Носилов, 1997б, 36–43, 104–108]. Изучение народов Севера не было основной целью для К. Д. Носилова. Он надеялся на христианизацию и фактически сам неоднократно выступал как миссионер. Организация христианских праздников, чтение Евангелия, осуждение идолопоклонства, поиск денег и хлопоты по строительству храмов, многочисленные публикации в церковных изданиях – эти и иные его действия невозможно трактовать иначе как миссионерские. По мысли Носилова, христианизация «дикарей» должна была идти параллельно с распространением русской культуры, образованием и даже благотельной, по его мнению, русификацией.

Появление в творчестве К. Д. Носилова очерков «Вогульская школа», «Школа у остяков», «Самоедская школа» и «Киргизская школа» далеко не случайно. Исследователь постоянно пытался обнаружить в аборигенной среде те явления, которые бы свидетельствовали о сдвигах к лучшему. Он оптимистично фиксировал разнообразные приметы ожидаемой новой жизни, будь то знание русского языка, распространение фабричной одежды и самоваров в быту или случаи христианского усердия у народов Севера. Однако, будучи внимательным наблюдателем, Носилов отдавал себе отчет, что быстрые успехи на этом пути невозможны. «Вот уже двадцать лет, как я их наблюдаю, а незаметно, чтобы этот народ

перенимал русскую жизнь» [Носилов, 1997б, 278], – огорченно замечал он в очерке «Вогульская школа».

В разговоре с неким старичком, жителем Обдорска, Носилов защищал новообращённых аборигенов от нападок своего критичного собеседника. Его позиция писателя в целом оптимистична: «Что нам за дело до того, как выражают свою веру дикие люди; раз они выражают её – они уже веруют, раз веруют – они научатся после и поклоняться. Время сделает их истинными христианами, как нас с вами, потому что и наши предки, вероятно, имели не менее их суеверий» [Носилов, 1997а, 318]. Эти ожидания далеко не всегда оправдывались, и исследователь пытался обнаружить причины собственных неудач. Одна из них – наивные упования на цивилизующую роль «нормальной» торговли.

Очерк Носилова «Через десять лет» фактически явился публичной исповедью о совершенной им ошибке. Разработав маршрут от Северной Сосьвы к бассейну Печоры и пригласив, в противовес своекорыстному березовскому купечеству, крупнейшего сибирского предпринимателя А. М. Сибирякова для развития торговли с аборигенами, исследователь надеялся на улучшение жизни коренного населения. Этого, однако, не произошло. Развитие рынка спровоцировало рост потребностей, усилило обнищание и алкоголизм. «Ситец вместо своего холста из волокна крапивы, сукно вместо налимьей кожи, оленины, разнообразных шкур; сапоги, бродни вместо оленьих пимов и сапог из той же оленьей шкуры; чай, вино, белый хлеб, когда прежде они обходились почти вовсе без хлеба, употребляя мясо и рыбу, всё это потребовало от дикаря средств и средств» [Носилов, 1997б, 166], – вынужден был признать исследователь. Он даже задавался вопросом о том, что теперь, может быть, придется защищать «дикаря» от цивилизации.

К. Д. Носилов и далее не потерял оптимизма и продолжал сохранять позитивный настрой. Он не отказался от попыток привнести в северную глушь новые культурные нормы, но сместил свой интерес к освоению Ямала, в том числе – к прокладке через полуостров морского канала, сокращавшего трудный путь. Благодаря Ямальскому каналу планировалось подключение к меж-

дународному рынку больших сибирских территорий [Огрызко, 2007, 323]. Уточним, что от этого переноса активности позиция исследователя не стала более взвешенной – идея канала оказалась далека от основательной проработки и, соответственно, так и не была реализована [Омельчук, 1989, 176–191]. Носилов по-прежнему надеялся на быстрое экономическое преобразование заброшенных северных пространств. Это была своеобразная вера в чудеса технического прогресса, характерная именно для рубежа двух веков.

Такая вера была далека от пассивной созерцательности. Её неопитами становились деятельные люди, не жалевшие личных усилий для блага общества. Чудесные ожидания от реализации технических решений у них сочетались с неоправданными надеждами на скорое улучшение социальных отношений. Интересно, что подобные оптимистические ожидания были во многом спровоцированы общей социально-экономической отсталостью России от Западной Европы. Данное обстоятельство объективно порождало настоятельную потребность в модернизации страны. Вся Россия, особенно на периферии, страдала от комплексов собственной неполноценности. Популярные, а то и откровенно недостоверные сведения о реализации технических проектов, намного опережали уровень развития техники и технической грамотности [Ершов, 2013, 224–225].

Стремление к лучшему оборачивалось тягой к популярным знаниям, верой в благодетельность эксперимента вообще. В какой-то мере вся жизнь Носилова стала своеобразным журналистским и писательским откликом на интеллектуальные запросы людей того времени, длительным социальным экспериментом, осуществленным на обширных пространствах. Писатель участвовал в экспедициях на Северный Урал и Ямал, путешествовал по юго-западной Сибири, Алтаю, Грузии, Казахстану, по прибрежным территориям Белого и Каспийского морей, Маньчжурии, Монголии, Палестине, Египту, Турции, Греции. Он жил во Франции, посещал Норвегию и Швецию, трижды зимовал на Новой Земле.

По своим идеалам он был отчасти близок к католическому святому Франциску Ассизскому, тому самому, что проповедовал перед цветами и птицами. Г. К. Честертон парадоксально резюмировал, что Франциск «не любил природу». По мнению английского мыслителя, этот святой «не видел леса из-за деревьев. Он и не хотел видеть леса. Он хотел видеть каждый дуб, каждый тополь, ибо тот сын Богу, и потому – брат человеку. Франциск не желал стоять на условных подмостках, где нарисован на заднике лес; можно сказать, что он был слишком деятелен для действия. В его театре подмостки оживали, всё выходило на авансцену, все освещалось огнями рамп. Каждый предмет становился персонажем, действующим лицом. Вот почему как поэт он прямо противоположен пантеисту. Он не звал природу матерью: он звал братом вот этого осла, сестрой – вот эту ласточку» [Честертон, 1991, 54–55].

Отличительными чертами Носилова также были нацеленность на положительные действия, гласное обсуждение значимых земных проблем. Его, бывало, подводили журналистская назойливость, стремление побыстрее донести до читателя свежую новость, еще неизвестную широкой публике. Извиняло эту торопливость одно: искреннее желание сделать как лучше. Носилов не стал академическим учёным и не пытался подняться до широких обобщений, он жил конкретикой добрых дел. Подобно своему католическому собрату российский исследователь предпочитал кабинетной научной отстраненности гордое одиночество полезного путешествия. Как подлинный миссионер, он не ограничивался смиренной монашеской безопасной кельей (благоустроенной дачей), но выходил из неё для спасения встреченных живых душ на широкие просторы природного мира.

Носилов – что весьма характерно – на бытовом уровне был технически подкованным человеком. Для него фотоаппарат, геодезические приборы, паровой катер, печатная машинка и даже недавно созданный диктофон были вполне привычными помощниками. Однако наличие под рукой полезных технических приспособлений отнюдь не делало нашего исследователя обладателем профессиональных инженерных знаний. Точно так же знание

местности к востоку от Уральских гор не превращало его в специалиста по региональной экономике или маршрутам железных дорог. Азартный К. Д. Носилов постоянно публиковался в периодической печати, консультировал проекты, страстно разбирал вопросы строительства железнодорожных магистралей в Зауралье. Их общественное обсуждение было настолько острым, что оппоненты нередко переходили на выяснение личных отношений.

Данное неравнодушие и общественная активность в определенной мере роднили исследователя и со строителями нового мира, пришедшими к власти в России в 1917 г. Известно, что большевики привлекали маститого исследователя в последние годы его жизни к разработке ряда северных проектов. Однако Носилов, в отличие от победивших революционных культуртрегеров, максимально ценил личную свободу и органически не принимал насилие. В 1907 г. с его подачи разразилась газетная полемика, отображенная на страницах столичного «Нового времени» [*Носилов, 1907*] и провинциальных «Пермских губернских ведомостей» [*Письмо, 1907*]. Носилов обвинял земского врача из Шадринского уезда Любимова в смерти пациентки и в принадлежности к социал-демократам. Заметим, что определенные основания для подозрения врача в сочувствии к революционерам у Носилова были, хотя врачебный совет и поддержал Любимова [*ГАШ. Ф. 429. Л. 14*].

Носиловское стремление к свободе по сути было всеобъемлющим. Как только появились соответствующие материальные возможности, писатель предпочел жить не в городе и не на селе, а поближе к природе, особняком, на собственной даче. К. Д. Носилов, судя по сохранившейся не слишком большой переписке, ни с кем не поддерживал особо тесных контактов. Его связи с учеными, писателями, общественными деятелями в целом были благожелательными, корректными, но не более того. С близко живущими крестьянами он поддерживал добрососедские отношения. В случае острой нужды Носилов мог помочь – и помогал! – своим бедным соседям.

Но это была помощь не равного по положению своего брата соседа, а доброго, просвещенного, богатого и чудаковатого бари-

на, ставящего себя много выше крестьян. По преданиям шадринцев, в годы гражданской войны доброжелательные отношения не помешали крестьянам разграбить дачу Носилова и разбить её зеркальные стекла. Весьма характерны воспоминания Носиловского кучера Степана: «У него большой покос был. Сено косить – помощь. Кому охота и неохота – все шли. Вечером попойка. Раздерутся. Носилов говорит:

– Степан, пушщай дерутся, только без палок!

Сам выйдет на балкон, смотрит. Вот один другого огрел, тот и с ног долой. А Носилов говорит:

– Хорошо бьет, каналья!

Или пароход подымать. Мужики придут, веревками пароход подымут, а потом напьются – ноги кверху» [*Осинцев, 1993, 11*].

Официально Носилов никогда не был в браке. Одно из немногих его художественных произведений, посвященных социальной проблематике русского Зауралья, носит примечательный заголовок: «Как люди женятся. Рассказ из сибирских нравов». Сюжет его, наполненный этнографическими подробностями зауральского быта, достаточно прост. Купеческий сын вынужден жениться по недомыслию, чтобы своим отказом не обесчестить отца невесты [*Носилов, 1896*]. Неизвестно, является ли автобиографическим еще один рассказ – «Вешний лед» – о любви между путешественником и ветреной «дикаркой» с верховий Конды [*Носилов, 1994*]. Большой достоверностью обладают сведения, полученные краеведами о прямых потомках К. Д. Носилова на реке Печоре. Из тех краев Носилов привез в Шадринск старобрядку Арину Лызлову. Различия в культуре и боязнь «греха» привели к тому, что беременная избранница Носилова предпочла вернуться на родину... [*Лунатова*].

В. П. Бирюков весьма жестко обрисовал матримониальное поведение знаменитого земляка: «Живя на своей даче “Находке” лишь периодами, путешественник довольствовался временными связями с женщинами, которые были у него на положении экономок, старшей прислуги. Не обошлось при этом и без драмы. Попала в такие временные жены одна любящая душа. Сколько помнится, фамилия её – Мальцева. Привязалась она к Констан-

тину Дмитриевичу всей душой, и когда он легкомысленно стал предпочитать другую, покончила самоубийством. Это случилось примерно в 1907 г.» [Бирюков, 2008, 452–454]. Известно, что за грехи молодости церковные власти Шадринска налагали на Носилова епитимью [Омельчук, 1989, 215].

Есть сведения, что Носилов предлагал свою руку сестре шадринского фотографа С. С. Мамаева Антонине, так и не рискнувшей выйти замуж за путешественника [Осинцев, 1993, 43]. Только не шестом десятке лет у писателя появилась постоянная привязанность, гражданская жена много моложе его, – Дарья Романовна. В 1917 г. у них родился первенец Виктор, затем дочь Юния. Неписанные нравы того времени были снисходительны к холостому человеку из «приличного общества». Его возможные связи с простолюдниками и заботы о внебрачных детях не предполагали церковного венчания. Несомненно, что создание полноценной семьи, как и однозначное следование общепринятым нормам, не было для Носилова на первом месте.

Применительно к реалиям XXI в. героя этой публикации можно было бы назвать «фрилансером», своеобразным вольным стрелком, причем не только на профессиональной стезе – журналистике, – но и много шире, по жизни. В последнее время исследователь И. В. Абрамов выдвинул версию, что К. Д. Носилов мог получить финансовую независимость благодаря неафишируемой золотодобыче на Северном Урале [Абрамов, 2018], что вполне возможно. Ведь, действительно, путешествия и гонорары сводили к минимуму внешние дисциплинирующие практики и обеспечивали нашему герою определенную свободу.

В нижеприведенной схеме (рис. 6) объяснены поступки писателя. У него отчуждение от цивилизации и тяга к свободе привели к возвращению в природную естественность. Возвеличение природы накладывалось на детские религиозные чувства, что порождало личную ответственность за природу и людей и повторное «обретение» цивилизации – благодаря его исследованиям и публицистике. Как и у казаков, значимые свойства через опосредующие звенья перерастали в собственные противоположности: отчуждение перевоплощалось в веру, свобода – в личную

ответственность, а тяготение к природе – в поступки, характерные для цивилизованного человека.

Тот культурный ландшафт, который он осмысливал, в котором он жил и путешествовал, выразителен и немногочислен. В предельном основании он сводился к природе, индивиду, дому и храму. Достойное существование свободного культурного человека одухотворялось приобщением ко всему живому, приобретением знаний, полезной деятельностью и искренней верой. Эта целостная мировоззренческая система определяла биографию К. Д. Носилова. Наш отечественный Франциск Ассизский не особо истомлял себя постами и проповедями, предпочитая дорожные трудности первым и краеведческую публицистику вторым.

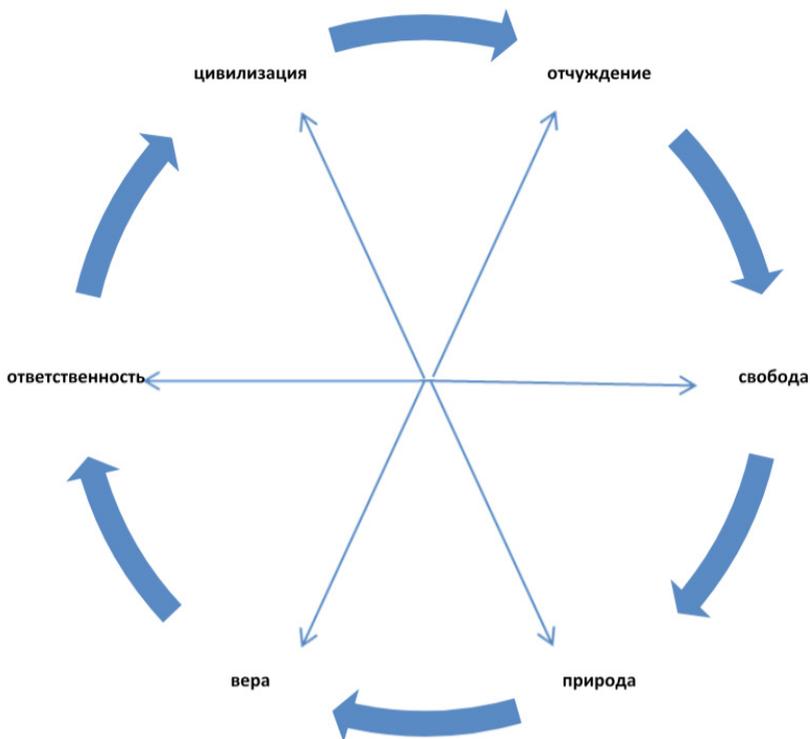

Рис. 6. Мотивационные предпочтения К. Д. Носилова

2.3. Яков Рознин: Петр Великий на Иртыше

Рис. 7. Яков Матвеевич Рознин

Всякая аналогия лишена точности. Но она же заставляет нас задуматься и дает возможность перейти от фактов к их анализу. Так возникают предпосылки для сферы исторической компаративистики. С её помощью выявляются схожие черты в разновременных исторических процессах. В качестве примера перечислим ряд общеизвестных фактов:

– некий реформатор затеял строительство нового столичного центра, вынесенного на северную периферию относительно основного ядра проживания его земляков;

– город строится в качестве культурного вызова прежнему патриархальному укладу;

– при строительстве города широко используется принудительный труд, среди насильно согнанных людей свирепствуют болезни, нередко со смертельным исходом;

- прибрежная территория находится под угрозой наводнения, но это не останавливает дальнейшее строительство города;
- местное угорское население испытывает мощнейшее культурное воздействие со стороны быстрорастущей столицы;
- со смертью незаурядного преобразователя, похороненного в новой столице, градостроительный процесс несколько замедляется, но через несколько десятилетий ориентация на просвещение и культуру придает новые импульсы для развития города.

О каком преобразователе идёт речь? О Петре Первом, конечно! Но – и не только о нём. Спустя два столетия на востоке страны, в Сибири, нечто подобное происходило при рождении города иного времени. Имя этому городу – Ханты-Мансийск, или, как первоначально нарекли его при создании, – Остяко-Вогульск.

Если Санкт-Петербург был создан благодаря гению и энергии царя Петра Великого, то Ханты-Мансийск в значительной мере обязан своим появлением большевику Я. Рознину, первому председателю окрисполкома Остяко-Вогульского национального округа. Петр Первый известен всякому образованному человеку в нашем Отечестве. Биографические сведения об основателе Ханты-Мансийска достаточно скудны. Существуют единичные разрозненные научные публикации, не раскрывающие частностей, из которых и состояла жизнь этого человека. [Ершов, Герасимчук, 2004; Ершов, 2005; 2014]. В настоящем разделе восполнены некоторые лакуны его биографии.

Согласно записи в метрической книге, Яков Матвеевич Рознин родился 28 апреля 1896 г. в с. Осиновка Шадринского уезда Пермской губернии, в семье крестьянина. Родители мальчика были записаны как «Матвей Стефанов Рознин и законная жена его Серафима Андрианова, оба православные». В книге зафиксированы восприемники новорожденного: односельчане «крестьянин Дмитрий Андрианов Брагин и крестьянская девица Фёкла Стефанова Рознина» [ГАШ. Ф. и-243. Оп. 1. Д. 1. Л. 13-об.]. Факт примечательный. Большинство из односельчан носили фамилии Брагиных и Розниных. Поэтому восприемниками оказались представители двух семейных кланов. Налицо совпадения с отчествами отца и матери. Вероятно, это были брат матери и сестра отца.

Получается, что Дмитрий Андрианович и Фёкла Степановна приходились Якову дядей и тетей, а девичья фамилия матери была Брагина.

Родился и был крещен мальчик в один и тот же день. И этот факт легко объясняется. Его родители жили в волостном селе, а не в деревне. Различие имело существенное значение. В селе всегда была церковь, в деревне она отсутствовала. Есть своя церковь и свой батюшка, зависимый от соседей-прихожан, то окрестить новорожденного легче и быстрее. В старой России в раннем детстве умирало до трети младенцев, многие сразу же после родов. По народным представлениям, некрещеное дитя не попадало в рай. Грех же ложился на души родителей. Став взрослым, Яков Матвеевич, видимо, не придавал особого значения дате собственного дня рождения. В анкетах он писал, что родился 30 апреля.

Мы практически ничего не знаем о детстве и юности Я. Рознина. В сохранившейся автобиографии он лишь вкратце очерчивает ранний период своей жизни: «Сын крестьянина-бедняка. Условия жизни и воспитание получил самое деревенское. До военной службы в Старой Армии 1915 года 7 августа у отца занимался сельским хозяйством». В анкете, подшитой к автобиографии, Рознин дополнительно сообщает, что его основное занятие до 1917 г. было хлебопашество, побочное – «каменщик» [ГАЗШ. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–211]. В некрологе о смерти Я. Рознина «Памяти стойкого большевика-ленинца» дополнительно сообщалось, что он с 12 до 15 лет работал по найму у ямщика Боровых кучером, а с 16 до 18 лет был у разных подрядчиков по каменным работам [Ханты-Манчи Шон, 1934].

Судя по документам, его отец был главой большой крестьянской семьи. По сведениям Л. И. Розниной, у отца имелись три брата: Гавриил, Иван, Дмитрий. Родился Матвей Степанович в 1871 г., Яков был, видимо, его старшеньким. Уже после гражданской войны в семействе отца проживало «всего-навсего» 11 человек [ГАЗШ. Ф. р-168. Оп. 1. Д. 55. Л. 35-об]. Когда в 1915 г. Якова забирали на службу в действующую армию, его младшим братьям было 16, 12 и 9 лет. Сестры, как невоеннообязанные, в призывной ведомости не указывались и о них ничего неизвест-

но [ГАШ. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 23. Л. 29–30]. Отец владел грамотой и сумел дать образование старшему сыну. В 1908 г. Яков окончил трехклассное Осиновское училище, о чем получил свидетельство Шадринского уездного училищного совета за № 479 [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Его образование было, разумеется, низким, но в начале XX в. и оно давало некоторые перспективы. Однако воспользовался ими Рознин не сразу.

Сегодня рубеж XIX–XX вв. воспринимается несколько идиллически на фоне последующих катастрофических потрясений. Однако в зауральском селе крестьянская жизнь легкой не была. Урожайные годы чередовались с неурожайными. Последние повторялись с периодичностью в 10–11 лет. Если неурожай 1901 г. привел многие хозяйства к разорению, то уже следующий неурожай 1911 г. перерос в голод. Затем – неудачная Русско-японская война, революционное брожение 1905–1907 гг., Столыпинская аграрная реформа, Первая мировая и гражданская войны.

На крестьянской жизни эти события отражались негативно. Прежний жизненный уклад уже исчерпал свои возможности. Подспудно в умах людей вызревало понимание неизбежности крутой ломки общественных отношений. Будущее стояло за очередным поворотом, но никто не знал, какое оно. Проигрывались варианты, причем не только на столичном, но даже на губернском и уездном уровнях. Так, например, в конце XIX в. секретарь Шадринской уездной земской управы Н. Г. Федоров прилагал энергичные усилия для помощи бедствующим крестьянам. Вокруг него сложился кружок единомышленников, ориентированный на создание сельскохозяйственных артелей. Большинство их формировалось из ранее безлошадных крестьян. Средства на закупку 2 лошадей, 2 плугов, 1 сохи-курашимки и семян для артели выделяло Пермское губернское земство. Только в Шадринском уезде за счет земства было создано 67 артелей.

Итоги насаждения местным земством артельного движения оказались неутешительными. Артели, созданные «сверху», существовали недолго. Производственная дисциплина была неудовлетворительной. Безлошадные крестьяне смотрели «на артель как на неизбежное зло, лежащее на пути к приобретению

собственной лошади, возможности стать полным хозяином». Из 219 выданных земством лошадей пало 22. Большинство из них – от голода. Нередко члены артели откровенно выжидали, кто из них первым будет кормить общественное животное.

Всеми способами члены артели стремились уравнять число людей и лошадей. Затем артель переходила к «бумажному» существованию – происходила её фактическая ликвидация. Пережив неурожайные годы, крестьяне открыто начали покидать земские «кооперативы». Причины ухода объяснялись по-разному: недовольство артельными порядками, «вшестером на паре ничего не поделаешь», «нет никакой сходки (выгоды)», «неохота работать на артель». Проблема, впрочем, была много глубже, чем пассивное сопротивление прагматичного и консервативного сельского населения. Дело в том, что крестьяне, традиционно страдавшие от городского властного произвола, достаточно критично относились к полному исполнению всех заданных им предписаний. Для них превентивная негативная оценка властных проектов была куда оправданнее, чем покорное бездумное исполнение.

По Шадринскому уезду тогда распространялись самые невероятные слухи. Так, рассказывали, «что артельный урожай после обмолота отберут у артельщиков», или «что артельщиков будут клеймить, что весной 1894 г. “по вешней воде” артельщиков вместе с семьями переселят куда-то в неведомые края, что артельщиков заставят работать “на земщину”» [*О сельскохозяйственных артелях, 1894*]. Отвлекаясь от циркулировавших слухов, допустимо предположить, что интуитивно крестьяне почувствовали в городской психологии того времени значимую и неприемлемую черту: склонность к радикальным и неоправданным преобразованиям общества, принудительно проводимым для установления светлого будущего.

Нет сомнения, что земская инициатива обсуждалась в крестьянской среде и много позднее её провала. Наивные, для тогдашнего образованного городского меньшинства, крестьянские опасения в наши дни вызывают куда большее доверие. Не так-то просто отбросить спонтанно возникающие аллюзии с методами проведения сталинской коллективизации. Ведь именно Я. М. Роз-

нину пришлось «сбивать» крестьян в колхозы, тогдашние артели, где обобществлялся тягловый скот, отправлять непокорных «по вешней воде» вместе с семьями на Север в неведомые края и налагать на них клеймо «врагов народа».

Случайно или закономерно данное совпадение? Вне зависимости от того, был ли известен Рознину земский эксперимент, в поведении людей проступает главное. Для человека традиционного общества был важен коллективизм и его место в социальной иерархии, порядок, реализуемый «сверху вниз». Но для человека индустриального общества куда важнее оказывались динамика, прогресс, индивидуальное движение «снизу вверх». Столкновение двух эпох порождало идею насильственного коллективного прогресса, осуществляемого благодаря энтузиазму «штурмующих небо». Идеалисты из земства провалили эксперимент еще и потому, что не учитывали крестьянской психологии. У народных низов любая инициатива и любое начинание «верхов» всегда вызывало пассивное сопротивление. Преодолеть его тогда можно было только решительными мерами, вплоть до насилия. Что и произошло во время коллективизации.

Первая мировая война невиданно ускорила процессы трансформации общественного сознания в сторону легитимации именно «прогрессивного» насилия. Перед призывом в армию (и на войну) Яков женился. На службу новобранца провожала молодая жена, 19-летняя Александра Алексеевна. Дети молодожены обзавестись не успели. Брак этот оказался непрочным. Его разрушили две крупнейшие войны в истории России: мировая и гражданская. После армейской службы и участия в боевых действиях деревенские возвращались домой другими людьми. С новыми целями, малопонятными для мирной женской половины.

Участие в мировой войне оказалось губительным для России. Не решив внутренних проблем, она ввязалась в международную бойню. Люди в серых шинелях ехали на фронт умирать. Кого-то смерть настигала раньше, кого-то позднее. Якову Рознину везло. Почти два года он находился в тыловых частях. Служба его шла успешно: дослужился до младшего унтер-офицера, стал командиром взвода. Наверное, не последнюю роль здесь сыграли полу-

ченное им образование, дефицит командного состава, инициативность и волевые качества.

Между тем, вести приходили неутешительные. За неготовность к войне Российская империя платила на полях сражений кровью своих солдат. Самыми боеспособными на фронте были части, сформированные из сибиряков и уральцев. Солдаты, чьи отцы и деды не знали ужасов крепостного права, сражались намного лучше забитой, лапотной, нищей Европейской России. К 1917 г. выдохлись и они. Началась революция, по времени совпавшая с отправкой Рознина на Румынский фронт. Бедность румынских крестьян, живущих в благодатном климате, наводила на размышления о несправедливости, заставляла задуматься. Максимально простые ответы на эти вопросы предлагали большевики. Здесь, на фронте, Яков сблизился с ними и вел «в рядах армии работу против Учредительного собрания и войны» [ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

События следовали с калейдоскопической быстротой. Положение армии достигло предела, солдаты отказывались воевать, братались с противником. А. Ф. Керенский не мог навести порядок ни на фронте, ни в тылу. Явочным порядком власть на Украине захватила Центральная Рада, приступившая к созданию собственных вооруженных сил. Русские войска в Румынии оказались во враждебном окружении. После октября 1917 г. их положение в Румынии стало безнадежным. Центральная Рада фактически перешла на сторону Тройственного союза, большевики вели переговоры с немцами.

Из Северной Румынии часть русской армии прорвалась на Украину. Остались сибиряки, около 40 тыс., почти без офицеров. Командование на себя взяли унтер-офицеры, рядовые. Румынское командование потребовало сдать оружие, но его попытка силой добиться выполнения ультиматума окончилась поражением румын. В безвыходной ситуации часть сибиряков предпочла на условиях интернирования и возвращения в Россию сдаться немцам. Меньшая часть сдалась своему командованию, избавившемуся от строптивых солдат оригинальным способом. Им всем выдали отпускные свидетельства на один месяц, то есть фактически

демобилизovali. Какое участие во всем этом хаосе принимал унтер-офицер Я. М. Рознин, точно не известно. В автобиографии он упоминает о своем участии в вооруженных столкновениях с войсками Центральной Рады и генерала Д. Г. Щербачева, заместителя командующего Румынским фронтом в 1917 г. [ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 21].

Как бы то ни было, после восьмимесячного пребывания в Румынии бывший солдат «неорганизованным порядком» вернулся уже в советскую Россию, в родное Зауралье. На местах создавались органы советской власти, и Я. Рознин, наряду с сельским хозяйством, занялся общественной, в первую очередь «культурно-просветительной работой» [ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 21]. Степень его вовлеченности в мероприятия Советов тогда еще не была значительной. Во всяком случае после прихода белых Я. Рознин остался на свободе. Для него, недавно вернувшегося с войны, крестьянское хозяйство накануне и в период посевной, состарившийся отец и молодая жена не оставляли времени на занятия политикой. Пошли дети: Анна, Евдокия и младший Борис, родившийся уже в 1922 г.

Однако мирная жизнь в очередной раз была прервана весной-летом 1918 г. На востоке восстал чехословацкий корпус. Повторялась ситуация, аналогичная с положением русских войск в Румынии. Выход России из войны вызвал тревогу среди чехословацкого корпуса, ведь формировался он из бывших военнопленных, перешедших на сторону Антанты. В случае их выдачи Австро-Венгерской империи ничего хорошего перебежчиков не ждало. Попытка разоружить корпус послужила бикфордовым шнуром к рождению Белого движения и к полномасштабной гражданской войне в России.

В боевых действиях Рознин участия не принимал. Фактически он снова оказался везунчиком. Он не пошел с добровольными полупартизанскими частями Красной армии на запад. Его, как неблагонадежного, не призвали и в Белую армию. Более того, в марте 1919 г. Рознин, как явствует из его автобиографии, выступил на митинге против мобилизации крестьян в армию Колчака. Был арестован, несколько месяцев находился в тюрьме, «откуда

был вожен на расстрел», отмененный по неизвестным причинам [ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21].

После, находясь под надзором, поддерживал связь с «кустарниками», снабжая их необходимыми сведениями. «Кустарниковыми батальонами» называли дезертиров, которые скрывались в лесах от мобилизации в Белую армию, переходя к партизанской борьбе. Число «кустарников» росло параллельно нарастанию кризиса Белого движения. Война была рядом с его родным селом. Один из жителей Осиновского А. С. Шилов вспоминал, что колчаковцы расстреляли в 1919 г. за околицей села 4-х красноармейцев (партизан? – М. Е.), имена которых остались неизвестны. Партизанский отряд Осиновской волости насчитывал около 60 человек. А всего в лесах юго-восточнее Каргаполя скрывалось до тысячи кустарников [Гукова, 2016, 93].

Полноценным партизаном Я. Рознин не стал, боясь за семью, «которой угрожали нагайки и грабеж» [ГАОПДКО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21-об.]. С приближением фронта у белых проходила одна мобилизационная кампания за другой. Все военнообязанные подлежали призыву, в армию забирали лошадей [Пашков, 2007, 203–205]. Рознин, дожидаясь прихода красных, скрылся в лесу. Мобилизация в ряды Красной армии его также миновала. С восстановлением советской власти Я. М. Рознина избрали председателем Осиновского сельского совета, откуда уже через несколько дней он был «для пользы службы переведен делопроизводителем Волостного военного Комиссариата» [ГАШ. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21-об.]. В очередной раз помогла грамотность, полученная в царское время. В Шадринском уезде с 1 октября 1919 г. по 11 мая 1920 г. формировалась 10-я кавалерийская дивизия [Пашков, 2007, 250–252].

В бурное революционное время инициатива народных масс была через край, энтузиазма и бед хватало с лихвой. Страна бурлила. Рознин, однако, в этих условиях предпочел достаточно скучную бумажную работу. Избежав отправки на военную службу, он отвечал за мобилизацию своих земляков в Красную армию, став частью, пока незначительной, растущего советского аппарата. Это давало стабильность, но она, даже на заключительном

этапе войны, была относительной. Осенью и зимой 1919 г. в Южном Зауралье свирепствовал тиф. В Шадринске люди умирали прямо на улицах [Пашков, 2007, 241]. Затем в 1920 г. вспыхнуло крупнейшее антибольшевистское Западно-Сибирское восстание. И, наконец, в 1921 г. разразился страшный неурожай, приведший к голоду, доходящему до людоедства.

Люди боялись выезжать за пределы города. В дороге могли убить любого за кусок хлеба. Во второй половине 1920 – первой половине 1921 г. члены РКП (б) Шадринского уезда считались мобилизованными. Это мероприятие коснулось и коммуниста Рознина, хотя время его вступления в РКП (б) не вполне ясно. Сам он определял дату вступления ноябрем 1917 г., числился с сентября 1919 г., но в документах зафиксированы и иные даты [ГАШ. Ф. р-82. Оп. Д. 1. Л. 20–21-об.].

Судьба ему благоволила. Из беспокойной местности, где крестьяне были готовы восстать в любую минуту, Рознин был направлен работать в Шадринск в Отдел управления местного исполкома. Служба в Исполкоме также давала отсрочку от призыва в Красную армию [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3]. Именно из Шадринска, как административного центра, посылались карательные отряды. Противостояли им крестьяне-повстанцы. Бои шли в Ишимском, Ялуторовском, Челябинском, Курганском уездах. Город оказался окружен с большинства направлений. Отряды противников продрозверстки действовали и на территории Шадринского уезда. Повсеместно нарастало ожесточение. Крестьяне, доведенные до отчаяния изъятием хлеба, взялись за оружие и начали уничтожать коммунистов поголовно. В свою очередь официальные власти расстреливали заложников [Зауральское крестьянство, 2007]. Только переход к НЭПу позволил прекратить кровавую вакханалию.

После окончания гражданской войны Рознин продолжал находиться на различных административных должностях. Став руководителем, наш герой покинул родное село. Его жена с малолетними детьми осталась жить с родителями мужа. Именно в это время семейный союз и начал распадаться: у Рознина появилась другая женщина, на которой он впоследствии и женился. Но его

консервативные родители так и не признали второй, гражданский, брак своего сына.

По анкетным данным его избранница Валентина Николаевна родилась в Екатеринбурге 8 декабря 1904 г. (по старому стилю) в семье служащего, окончила 3 класса гимназии и «группу II ст.» в г. Шадринске. С июля 1920 г., не достигнув 16 лет, она устроилась работать машинисткой, сначала в селе Каргаполье, затем переехала в Шадринск. Брак между ними был заключен 16 декабря 1922 г. В этом же месяце жених развелся с прежней женой, невесте до 18-летия оставалась еще неделя... В дальнейшем Валентина Николаевна постоянно следовала за супругом в его служебных перемещениях, но карьеры она не сделала, занимая низшие канцелярские должности. С 1926 г. числилась кандидатом в члены ВЛКСМ [ГАЗ. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 97. Л. 216–218].

С введением НЭПа страна начала залечивать военные раны. Крестьяне хозяйствовали, партийный и государственный аппарат был озабочен переустройством жизни страны. По многим направлениям велась борьба за новый быт: от пропаганды санитарных мероприятий до преследования самогонарения и религии. Большинство жителей, особенно люди старших возрастов, относилось к мероприятиям властей не враждебно, но достаточно пассивно: и незаконно изготовленную самогонку попивали, и в церковь ходили, и на митингах ораторов, не высываясь, слушали.

Постепенно Рознин набирал аппаратный вес. Уже в феврале 1921 г. он, наряду с основными служебными обязанностями, был выбран секретарем ячейки РКП (б) при Уисполкоме. Обязанности секретаря не оплачивались, но по партийной линии, формально, все уисполкомовское начальство подчинялось делопроизводителю Рознину [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. В советский период это было традиционное начало карьерного старта. И, действительно, с июня 1922 г. он перешел работать в уездный комитет РКП (б). Свидетельствами доверия к Я. Рознину являются его делегатские билеты сначала на Шадринскую уездную, а затем и на Екатеринбургскую губернскую конференцию в 1922 г. [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2].

Затем Рознин последовательно трудился в прокуратуре и на других должностях. В местной газете «Трудовая правда» появляются его заметки: о 5-й годовщине революции («Почему Октябрьский праздник важнее поповских для крестьянства?») [Рознин, 1922б, 2], о необходимости борьбы с суевериями, невежеством и хулиганством («Наши недочеты») [Рознин, 1922а, 2]. Хулиганство в 1920-е гг. было на подъеме. Преступники не боялись попасть в места заключения. В местной газете сообщалось, что в Шадринской тюрьме (исправдоме) царили издевательства над новичками [У нас, 1927, 4]. В конце 1922 г. Рознин оказался в представителях Рабоче-крестьянской инспекции, командированных «для производства ревизии в Уездногородскую милицию» в Шадринске. И в дальнейшем пути силовых ведомств и Рознина будут постоянно пересекаться.

Современники отмечали, что Я. Рознин умеет работать с людьми. Его коммуникативные способности использовались в предвыборной кампании 1924 г. Согласно мандату, Рознин был «уполномоченным Райисполкома по перевыборам Советов и Бюро сельских ячеек РКП (б)» в ряде сельских советов Шадринского района. При этом сельские советы предоставляли командировочному уполномоченному бесплатные подводы [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7]. В работе Рознину помогали его исполнительность и анкетные данные: «крестьянин-бедняк», профессия: «хлебороб».

Много тяжелее приходилось тем, у кого социальное происхождение было «неправильное». В сентябре 1923 г. Рознин возглавлял Шадринскую уездно-городскую комиссию по чистке советского аппарата. Эта Комиссия отстранила десятки лиц от занимаемых ими должностей. Основания были разные: профнепригодность, правонарушения, грубость с посетителями. Решающим фактором стало социальное происхождение и отношение к советской власти. Выборочно перечислим формулировки для увольнения: «неблагонадежный элемент», «элемент, чуждый советской власти», «как несоответствующего духу времени», «не член Профсоюза (белогвардейский офицер), ссыльный», «за грубое обращение, и служившего в карательном отряде у Колчака»,

«как находящегося под судом за хранение самогонки», «как малограмотного и имеющего основную специальность портного, что является средством к безбедному существованию», «как малограмотного и имеющего свое сельское хозяйство», «бывшего князя, как вызвавшего подозрение в хозяйственном обрастании не посредством служб» [ГАСХ. Ф. р-168. Оп. 5. Д. 1. Л. 1–10].

Нет сомнения, что государственная служба воспринималась Розниным и его сподвижниками как доверие, материальная же составляющая в их жизни скорее как отягчающее обстоятельство. Через пять лет это перевоплотится в варварскую коллективизацию и депортацию крестьян на Обь-Иртышский Север. Еще один интересный момент заключается в том, что ОГПУ регулярно составляло аналитические записки (госинфсводки, оперсводки), основанные на сообщениях агентуры. В этих документах нередко фигурировали фамилии конкретных лиц, не угодных государству. С содержанием оперсводок знакомили ответственных партийных и советских работников, к которым уже относился Я. М. Рознин [ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154. Л. 90–98].

С 1924 г. Рознин возглавил Каргапольский районный исполнительный комитет, сокращенно – райисполком, РИК. Что представлял Каргапольский район? Согласно «Информационному отчету Каргапольского райкома РКП (б)» за июль, август и сентябрь 1925 г., это глухая окраина, без железной дороги и промышленности. Большинство жителей – земледельцы. В районе имелись 3 кустарные артели, 9 мельниц, в том числе одна паровая, почти все они не работали, либо требовали ремонта. Карликовых «маслозаводов» было всего 6, с общей месячной производительностью 180 пудов. Из примет индустриального общества имелись трактор «Фордзон», механическая молотилка и телеграфная связь.

Отмечалось, что «чисто рабочего элемента нет», местные рабочие были в большинстве полукрестьяне. Власть возлагала большие надежды на сельскую кооперацию. В районе на 7 089 индивидуальных крестьянских хозяйств было 6 потребительских обществ и 2 кредитных товарищества, с общим количеством членов около 5 тысяч человек. В районе существовала 1 коммуна, раздираемая долгами (до 9 тыс. рублей), отсутствием

трудоу дисциплины, пьянством, спорами об имуществе между теми, кто выходил, и теми, кто еще оставался. Последних было 19 человек. Дополнительно в районе наличествовали 4 сельхозартели с общим количеством членов 385 человек. Порядка не было и здесь. Отмечалось, что «состояние артелей экономически слабое, и артели ничем не отличаются от неорганизованного населения, культурных мероприятий проводят мало», нередко среди членов артелей замечалось пьянство.

Одной из примет того времени были сетования на неграмотность и несознательность населения. Власть, как могла, боролась с негативом. В районе регулярно устраивались митинги, политинформации, конференции, проводились спортивные соревнования, организовывалась деятельность кружков среди молодежи. В Каргапольском районе была 1 библиотека (4 000 томов) и 4 избы-читальни. Дополнительно существовали: партбиблиотека при райкоме РКП (б) – 97 книг; красный уголок при профсоюзном комитете – 248 книг; красный уголок при агроучастке – 84 книги. Газет и журналов по району выписывалось 1 744 экземпляра.

Стремление изменить жизнь к лучшему постоянно наталкивалось на «пережитки прошлого». Крестьянское население, по-видимому за Смутное время всяких властей, сохраняло критический прагматизм, свою приверженность к устоявшемуся жизненному укладу. Преобразовательные усилия «тонули» в патриархальном море. Не тогда ли зародилось подспудное вызревание в умах энтузиастов желательности быстрого и решительного «коренного перелома», насильственного отрыва крестьянской среды от традиционных корней, и даже от мест прежнего пребывания?

В Каргапольском районе на Рознина свалилось большое количество организационных и хозяйственных дел. Между тем, кадровый состав служащих района оставлял желать лучшего. В «Информационной сводке» сообщалось, что заместитель председателя РИКа был снят с должности «за грубое отношение и пьянство». Отмечались недостатки в работе районной милиции; указывалось, что «технический аппарат РИКа по квалификации слаб, но подобрать его не представляется возможным: на месте не имеется, а из города не едут на существующую зарпла-

ту» [ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 154. Л. 350–358]. Являясь главой исполнительной власти, Рознин не был здесь полновластным хозяином. Советская государственность была такова, что председатель РИКа находился в подчинении у райкома РКП(б), за которым оставались контроль, идеологическая работа, политическая власть и принятие стратегических решений.

В архивных делах отложились частые упоминания фамилии Рознина: в резолюциях, протоколах различных заседаний. Документооборот мало что говорит о психологии советских управленцев. Куда интереснее материал о трагедии и склоке в Каргапольском детском доме. В нездоровый конфликт оказалась втянута немалая часть управленческой верхушки района и даже Шадринского округа, и характеры управленцев раскрылись достаточно ярко. Противоположными сторонами стали Яков Матвеевич Рознин и Владимир Николаевич Старостин.

Порядка в детдоме не было, о чем хорошо знали жители с. Каргаполье и администрация района. Первоначальное столкновение произошло между завхозом Кононовым и заведующим Колокольцевым. По эмоциональному свидетельству Старостина, завхозом Кононовым детдом был превращен в дисциплинарный батальон «времен Аракчеева. Избиение было нормальным явлением». Колокольцев заметил за Кононовым растрату денег. Однако, когда заведующий вскрыл злоупотребления, то «полетел из детдома». Ему предъявили обвинения в связи с воспитанницей. Дело дошло до Президиума РИКа, свидетелями выступили Кононов и одна из прачек.

Затем настал черед нового заведующего – В. Н. Старостина. Кононов продолжал расхищать средства. Через голову РИКа, на помощь которого он не надеялся, Старостин информировал об этом Окружной отдел народного образования. Была проведена ревизия, которая и обнаружила большие злоупотребления. Кононова отдали под суд. Причина уверенного поведения завхоза была проста. Её раскрыл один из административных работников: «Старостин вел неправильную политику, ему надо было объяснить Кононову его поступок, и постепенно его заглаживать, а не губить партия».

В отличие от члена РКП (б) Кононова, Старостин в партии не состоял. И путь ему туда был заказан. Старостин числился неполноценным «перед рабоче-крестьянской властью за свою верную службу батюшке Колчаку, которого он с оружием в руках защищал против натиска красных отрядов». В гражданскую войну он был белым офицером. Старостин, правда, пытался акцентировать внимание на том, что он «не причастен к репрессиям», но помогло это мало. В числе предложений были и такие: «уволить Старостина из д/дома, считая недопустимым, чтобы воспитанием пролетарских ребятишек занимался человек с явно монархическим уклоном».

Старостин вступил в должность заведующего 6 февраля 1925 г., а через несколько часов разразилась трагедия. Из изолятора для больных ночью мальчик Максимов попросился на двор оправиться. Одна из восьмилетних девочек вывела его во двор в одном белье, а сама ушла спать, видимо, закрыв дверь. На плач и крик внимания никто не обратил и больной туберкулезом ребенок, пробыв на зимнем холоде до утра, «в тот же день помер». Супруги Старостины (заведующий и его жена) показали следователю, «что они только вступили в службу, не ознакомились с положением, и что детей они навещали». Последнее утверждение не подтверждено свидетельскими показаниями воспитанников.

Похоже, что смерть ребенка большинство действующих лиц просто не взволновала. Обвинительное заключение было составлено только 29 июня. В документах сообщение о смерти Максимова – блёклый штрих на фоне эпической баталии между председателем РИКа и заведующим детским домом. На сегодняшний день невозможно выявить подлинные истоки их конфликта. Версии сторон расходятся. Супруги утверждали, что Рознин склонял Серафиму Старостину (данные: «18 лет, грамотная, б/партийная, служащая») к половому сношению, а после отказа начал мстить мужу («25 лет, грамотный, беспартийный, служащий, на иждивении один человек»). Рознин обвинение в домогательствах и увольнении категорически отрицал.

В итоге, Старостин в июле 1925 г. действительно был уволен. Рознин в это время был на курортном лечении в Усть-Караболке

(новая примета отдыха номенклатурных работников) и формально не принимал участия в увольнении заведующего. Последующая попытка Старостина устроиться работать в Скоробогатскую школу была пресечена районным начальством. Конфликт, вне зависимости от причин, породивших его, развивался в русле сутяжнического выяснения отношений. Поражает, что Рознин ссылался на коллегиальное принятие решений, фактически отказываясь принимать на себя ответственность. Он защищался от нападок Старостина ссылками на документы, справки, копии.

В свою очередь Старостины пытались играть на эмоциях, объясняли невозможность полноценной работы в детском доме при постоянных недоброжелательных придираках со стороны председателя РИКа. Их версия событий отличается множеством бытовых деталей, яркостью описания, но юридически недоказуема. В борьбе с оппонентами Старостин использовал помощь свояка, председателя правления окружного союза работников просвещения. Не чуждался Старостин и идеологических клише. Так, после увольнения он обращал внимание, что одна из его преемниц «в 1925 г. была регентом в церкви» и занималась торговлей. Ирония ситуации: ведь сам Старостин, ратующий за чистоту рядов школьных работников, был сыном попа. Следовательно «Парт-Коллегии Шадринской Окружной Контрольной Комиссии Р.К.П.(б)» в конечном итоге вынес постановление от 24 февраля 1926 г. об оправдании Рознина. Смерть ребенка и беспорядки в детском доме следователем не рассматривались и никому из персонала районной администрации в вину поставлены не были [ГАОПДКО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 1094. Л. 21–65].

Рознин, закаленный в бумажных баталиях, ревниво относился к своей репутации. В 1925 г. его возмутила стихотворная заметка «Жаргапольские курьезы» в окружной «Рабоче-крестьянской правде». В ней критиковался председатель РИКа, не выделивший денег на спецодежду для курьера милиции Черноталова. Не опускаясь до уровня редакции, Рознин пишет в Оргбюро Шадринского окружкома РКП (б), курирующее газету. Он знал нормы бюрократической среды, в которой вращался. Да, ассигнованные на форму средства выделены своевременно, но сверхнорматив-

ные издержки не утверждены коллегиально Президиумом РИКа. Газета «имеет официально-пропагандистский и воспитательный характер» и «публиковать в этом сорте “стихи” через газету, это в лучшем случае не знать порядок работы Президиума РИКа» [ГАОПДКО. Ф. 82. Он. 2. Д. 5. Л. 89-об.].

Судя по всему, конфликты не повлияли на образ Рознина как крепкого ответственного работника. В 1926 г. председателя Каргапольского РИКа переводят в окружную номенклатуру. В гигантский Шадринский округ тогда входило 19 районов. Рознину досталась хлопотная должность. Он возглавил Окружной отдел местного хозяйства. На балансе Окрместхоза находилось множество строений, лишившихся прежних хозяев в годы гражданской войны. Какие-то из зданий находились в аварийном состоянии и не были востребованы, на другие, напротив, находилось немалое число желающих их занять. Часто прежние владельцы обращались с жалобами, пытаясь вернуть имущество, отошедшее государству. Как правило, власти не стремились восстановить собственников в их правах. В число подведомственных помещений входили и церковные здания, юридически принадлежавшие государству, нацеленному на окончательную «отмену» религиозных обрядов. Именно имущественными делами по недвижимости и занимался Я. М. Рознин [ГАОПДКО. Ф. 13. Он. 1. Д. 13].

Относительно спокойные 1920-е гг. закончились рано. Как только был сверстан первый пятилетний план (1928–1932 гг.), власть озаботилась его материальным обеспечением. Главным богатством страны – хлебом – распоряжались крестьяне. Они не желали продавать его государству по заниженным ценам. Предполагалось, однако, что в колхозах, при высокой культуре земледелия и технике, себестоимость и цена хлебной продукции будут существенно ниже, чем в единоличных хозяйствах.

В апреле 1927 г. Рознина, как хозяйственника, переводят руководить Окружным земельным управлением. Должность эта, в условиях нарастания аврала коллективизации, была бесперспективной, вне зависимости от усилий. В адрес Рознина посыпались критические замечания, причем не только в бюрократической переписке, но и в официальной печати. Рознин также высту-

пал, призывал, обещал, оправдывался [*Рознин, 1928, 2*]. В конце 1928 г. в городе Шадринске состоялось Окружное совещание по поднятию урожайности. С докладом выступал и Рознин. Судя по опубликованному тексту доклада, заведующий Окружным земельным управлением даже не предполагал, какое начало крутой и кровавой ломки ждет страну, крестьян и его лично менее чем через год.

Рознин заявил, что «коллективизация пойдет не сразу, а постепенно. Поэтому наряду с налаживанием колхозов нам надо повысить урожайность в единоличных крестьянских хозяйствах». Он предлагал особое внимание уделять просвещению: «Школа, изба-читальня, ков (? – Е. М.), комсомол, делегатки, все должны содействовать внедрению в крестьянские массы агрономических знаний через свою практическую работу». В прениях по его докладу остро чувствуется, что проблемы, связанные с коллективизацией, нарастали неудержимо. Всё это оборачивалось критикой (завуалированной, а то и открытой) в адрес Окружного земельного управления [*Окружное совещание, 1928, 4*].

С октября 1929 г. Рознин фактически пошел на понижение. Судя по архивным материалам, его перебрасывали с одного направления на другое, иногда он занимал несколько должностей одновременно. Его лихорадочные перемещения невозможно объяснить ничем иным, как форсированной коллективизацией. В 1929–1930 гг. Рознин – председатель Шадринской окружной комиссии по сплошной коллективизации. Это – самая страшная из его должностей. Рознину пришлось насильственно загонять земляков в полуголодные колхозы, организовывать раскулачивание и отчитываться «наверх». Крестьян, раскулаченных по второй категории, обобранных до нитки, гнали с семьями на Север; раскулаченных по первой категории – расстреливали.

Одновременно Рознин числился председателем Мехонского РИКа и там же возглавлял организацию Колхозкомбинат. В совмещении двух должностей прослеживается связь с развернувшимся в Уральской области показушным авантюристическим строительством колхозов-гигантов. В Ирбитском районе власти так и назвали созданный колхоз – «Гигант». Он на непродолжи-

тельное время стал крупнейшим в СССР. По замыслу его организаторов количество вовлеченных в колхоз крестьянских хозяйств необходимо было довести до 10 тыс. Колхозы-гиганты планировалось создать в ряде других районов, в том числе Шатровском и Мехонском. Территории таких колхозов должны были совпадать с административными границами районов [Еремин, Корнилов, 2000, 112–113].

Интересно, что Мехонский и Каргапольский районы располагались по соседству с родиной Рознина – с. Осиновским. Неизвестно только, ездил ли Я. М. Рознин уговаривать земляков и родственников вступать в колхоз. Жизнь быстро показала полнейшую бесперспективность колхозной гигантомании. Немалая заслуга здесь принадлежит и отечественному крестьянству, своими волнениями предотвратившему конструирование химеры. Опубликованная в марте 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» стала сокрушительным ударом для карьеры Рознина. Вождь, выгораживая себя, предпочел свалить ужасы коллективизации на местных руководителей. Инициативу с колхозами-гигантами пришлось по-тихому свернуть.

По сути, Рознину грозила участь стать одним из крайних в провале планов колхозного строительства. В Уральской области несколько десятков особо рьяных мелких функционеров были осуждены по уголовным статьям. На некоторое время Рознин, бывший начальник окружного уровня, оказался председателем маленькой коммуны «Освобожденный Урал» (очевидно, в д. Барневка, недалеко от Шадринска) [Справочник]. Это было падение с властных номенклатурных высот. Не случайно, что в ряде анкет не отражена эта мелкая председательская должность. Рознина спасла областная власть, нуждающаяся в проверенных кадрах. В апреле 1930 г. Уралобком ВКП (б) отправил секретное письмо. «В процессе коллективизации отдельные районные работники в связи с перегибами и ошибками, допущенными в этой работе, – говорилось в письме, – настолько дискредитировали себя в глазах населения, что дальнейшая их работа в этих районах вряд ли возможна и целесообразна. В то же время часть из них в другом месте могла бы быть использована на работе примерно такого

же характера. Поэтому оргинструкторский отдел считал бы необходимым переместить скомпрометировавших себя работников в другие районы или округа» [Базаров, 1997, 178].

Прежняя деятельность Рознина идеально подпадает под основные положения данного письма. Её сопровождал лавинообразный рост числа шадринских крестьян, «добровольно» записавшихся в колхозы зимой 1929–1930 гг., а затем, после сталинской статьи, скачкообразный же выход из только что созданных колхозов. Президиумом Шадринского окрисполкома было официально признано, что незаконно завышено число раскулаченных крестьян. Решениями областного и окружного судов в Шадринском округе из раскулаченных было восстановлено приблизительно 1 000 хозяйств. Власти приостановили высылку некоторых раскулаченных на Тобольский Север [Гукова, 2016, 93]. По свидетельству писателя Ф. Панферова, в Зауралье часть земледельцев уезжала, куда глаза глядят, от раскулачивания и высылки [Панферов, 1986, 210–211].

После председателя коммуны бюрократическая судьба (скорее всего – решение Обкома) забросила Я. Рознина в Свердловск. Тогда этот город был столицей Уральской области, сопоставимой по размерам с современным Уральским федеральным округом. Недолгое время он работал в Областном земельном управлении заведующим планово-земельным отделом. Падение советского функционера обернулось потенциальными возможностями для нового карьерного рывка.

О том, что они были, свидетельствует судьба Л. И. Брежнева. Будущий генсек (он был младше Рознина на 10 лет) приехал на Урал как землемер и дорос до заместителя руководителя Областного земельного управления, обойдя Я. Рознина по служебной лестнице. Вероятно, Рознин и Брежнев встречались в Областном земельном управлении. Можно предположить, что успехи в карьере Л. И. Брежнева были, среди прочего, связаны с его образованием – окончанием техникума. Уже уехав с Урала, Брежнев поступает учиться на инженера и после получения второго диплома вновь переключается на советскую и партийную работу.

В 30-е гг. наступала новая эпоха, где управленцам, кроме преданности советской власти и партии, требовались и хоть какие-то системные знания. Малограмотные руководители с прошлыми заслугами логикой событий смещались на периферию. Это произошло и с Розниным. Нельзя сказать, что им были недовольны, – в 1931 г. Рознин, например, даже избирается членом Уральского облисполкома, но все значимые места на столичном Олимпе Урала были заняты. Рознин пытался переломить ситуацию. В 1931 г. он поступил на заочное отделение при Уральском комвузе, который так и не окончил. Ему помешало постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10 декабря 1930 г.

В составе Уральской области был образован Остяко-Вогульский национальный округ [Представительные и исполнительные органы. 2002, 19]. Это постановление свалилось на областную власть как снег на голову. Историю организационных усилий Уралобкома ВКП (б) опубликовала Н. Дементьева. 21 апреля 1930 г. принимается решение о районировании провозглашенных округов. Логично, что его реализацией занимался кто-то из планово-земельного отдела. Весьма сомнительно, что потенциальных кандидатов устраивала ссылка на далекий малонаселенный Тобольский Север. Чтобы подсластить пилюлю, принят пункт, что, учитывая особо трудные условия, партминимум зарплаты в округах приравнивается к партмаксимуму Свердловска (260 руб.) с десятипроцентной надбавкой в первый год, двадцатипроцентной во второй и тридцатипроцентной – в третий год, с применением всех льгот и преимуществ, установленных правительством для работников отдаленных местностей.

Затем, 24 мая, принимается решение о персональном составе Оргбюро по организации округа. В числе направленных оказались Я. М. Рознин (как председатель окрисполкома), Дружинин (секретарь окружкома), Андрианов (председатель окружной контрольной комиссии – рабоче-крестьянской инспекции), Таровский (секретарь окружкома ВЛКСМ). В октябре к ним добавят еще несколько человек, причем некоторых отозвали с очной учебы в

Уральском коммунистическом университете, а на сборы в дорогу дали два дня, «ввиду предстоящего закрытия навигации». Документы об округах готовили в аврале, частенько даже искажая их еще непривычные названия [Дементьева, 2000, 24–25].

Первоначально в апреле 1931 г. на пост председателя окрисполкома был предложен И. П. Берстенов, занимавший аналогичную должность в Тобольске. Но в мае появляется постановление бюро фракции ВКП (б) Уральского облисполкома «Об укомплектовании советскими работниками Остяко-Вогульского (Самаровского) округа». Здесь фамилия Берстенева зачеркнута и вписана новая – Рознин [Патранова, 2013, 73]. Так, во многом благодаря случаю начался заключительный и самый яркий период жизни Рознина. Формально назначение было повышением, но повышением, от которого «спину ломит». Тем более что в его семье прибавилось хлопот – родилась дочь Эмма. Но партийные приказы тогда не обсуждались. По воспоминаниям, партию в Уралобкоме олицетворял первый секретарь И. Д. Кабаков, единоличный «хозяин» области, расстрелянный в 1937 г.

Каковы доктринальные и ситуационные причины создания северных округов? Ликвидация национального угнетения. Стремление подтянуть «отсталые» народы до передовых. Преобразование природы, общества и человека. Пятилетний план и насильственная коллективизация породили острые проблемы с продовольствием и сыром. Для официальных властей возник соблазн использовать гигантское количество спецпоселенцев в качестве дешевой рабочей силы.

Нет необходимости включения большого числа сведений о бесправном положении, смертности и тяжелейших условиях существования ссыльных. Задача настоящего раздела иная – реконструкция психического состояния конкретного советского чиновника, «заброшенного» в отдаленный край для решения множества хозяйственных и административных задач. Положение Я. Рознина осложнялось отсутствием проработанных планов деятельности. Все происходило в спешке, наобум. Территория Тобольского Севера стала гигантской площадкой для непроду-

манного и жестокого эксперимента, который мог осуществляться только насильственно.

Я. Рознин работал в царстве подозрительности, страха и ненависти. Это чувство было присуще не только спецпереселенцам. Советские служащие обеспечивали реализацию диктата и осуществляли тотальный контроль и репрессии. Рознина – строителя округа и столицы – окружали партийные функционеры, хозяйственные руководители, ведавшие использованием труда спецпереселенцев и подчиненные Уралобкому, а также карательный аппарат ОГПУ и НКВД.

Надежных соратников у него не было. В «Докладе о состоянии работы Остяко-Вогульского национального округа» за вторую половину 1931 г. присутствует удручающая фраза: «о качестве работников советов не приходится и говорить» [ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 2]. После преждевременной кончины Рознина его вдова осталась с двумя маленькими детьми (в 1934 г. родилась вторая дочь – Берта). В. Н. Рознина, работая машинисткой, жила бедно, без достаточной помощи от окружных властей [Патранова, 2010, 11].

Несомненно, что Рознину было тяжело психологически. Он занимался конкретными делами и не мог отгородиться бумажным забором от людского горя. Даже в окружном центре, в раскорчеванной тайге, у новоприбывших были тяжелейшие материально-бытовые условия. Здесь на одного человека в среднем приходилось 1–1,5 кв. метра жилой площади [ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 46]. У спецпереселенцев в наскоро выкопанных землянках свирепствовали болезни, голод. Ответственность за массовую смертность, в том числе смертность детскую, несет и Я. М. Рознин, как председатель Остяко-Вогульского окрисполкома.

Но Рознин не мог сочувствовать раскулаченным поселенцам. Для него эти парии не вписывались в новое идеальное общество, и они мешали строительству будущего. В литературе часто цитируется высказывание председателя окрисполкома: «Следует твердо помнить, что спецпоселенцы есть социально опасный элемент, который находится на известном режиме людей, лишенных гражданских и политических прав. Расценивать их как местное

население не следует» [Очерки, 2000, 343]. Эта оценка Рознина перекликается с мнением Ф. Панферова: «Да, этим уступи – и они будут резать нас, наших детей» [Панферов, 1986, 211]. «Уступать» раскулаченным никто и не собирался. Один из поселков спецпоселенцев историки-исследователи емко определили как «типичную резервацию» [Очерки, 2000, 346].

Действительность буквально на каждом шагу опровергала абстрактные схемы. Почти все в округе было в дефиците, сроки срывались, рабочая сила использовалась расточительно и нерационально. Весной 1933 г. Уралобком признал работу Остяко-Вогульского округа неудовлетворительной [Ханты-Манчи Шоп, 1933, 20–21]. С должности сместили ответственного секретаря окружкома Дружинина. Причины неудач искали в нерасторопности, во враждебных происках.

С теми, «кто против нас», предпочитали не церемониться. Только за вторую половину 1931 г. в окружном центре было осуждено по делам об охране социалистической собственности (указ «о семи колосках») 8 человек. Одного расстреляли, остальные получили минимально возможный срок: 10 лет [ГАОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 44]. Власть не делала секрета из расстрелов. В 1932 г. газета «Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда)» сообщала еще о нескольких 10-летних сроках и о расстреле кулака Усольцева. Он со склада украл ящик рыбы стоимостью 74 коп., 5 пиджаков и 2 пары сапог. Общая цена похищенного составляла 327 рублей [Ханты-Манчи Шоп, 1932].

Эскалация насилия оставляла работникам партийно-государственного аппарата минимальные нравственные возможности. Вслед за крестьянством жертвами коллективизации стали народы Севера, затем пошли репрессии против оппозиции, чистки и массовые расстрелы 1937 г. Но до 1937 г. Я. Рознин не дожил. Он, вместе с земляками, сосланными строить округ из Шадринского края, оказался болезненно оторванным от своих корней ради будущего. Основания для такого «отрыва» у партийного функционера и у рядового спецпоселенца были разные. Но выход оставался только один: полноценная работа.

По воспоминаниям современников, Рознин трудился много, не жалея себя. Именно этим он и запомнился людям. Сказывалось его крестьянское происхождение, побочная специальность каменщика. Рознин понимал, что создание округа начинать надо со строительства зданий. Конечно же, его административные функции не ограничивались только контролем над строительством. В документах сохранилось распределение персональной ответственности между членами окрисполкома. Я. Рознин отвечал за общее руководство, он курировал ОГПУ и милицию, решал вопросы обороны, снабжения, заготовок, финансирования [ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32 «а». Л. 124].

Рядом с его яркой фигурой остальные администраторы поражают своей невыразительностью. В архивных фондах от них остались сухие анкетные данные, не более того. Характерной особенностью руководства округом при Рознине было то, что председатель окрисполкома все время был на первых ролях. Он (и в делах, и в газетных публикациях) «затмевал» очередного секретаря окружкома. Наверное, это было связано с кадровой чехардой во властных институтах. Был смещен уже упоминаемый Дружинин, с которым Рознин работал в Свердловске. В 1933 г. его сменил А. Я. Сирсон, но и он продержался только до 1934 г. [Справочник]. По неписаным нормам того времени, партийный вождь и был «хозяином» территории. Председателю исполкома отводились хозяйственные дела.

Получается, что в округе сложилось ненормальное для тогдашней партийно-государственной системы положение. Эти и иные обстоятельства в условиях нарастания репрессий не могли не угнетать Я. М. Рознина. Его здоровье ухудшилось. 22 сентября 1933 г. был составлен акт экстренной врачебно-медицинской экспертизы. Консилиум врачей признал, что Я. М. Рознин «страдает психоневрастенией в тяжелой форме и миокардиопатией». Ему были рекомендованы срочный отпуск сроком на 2–3 месяца и специализированное лечение в санатории в Севастополе [ГАЮ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 7]. Вырваться в отпуск осенью Рознин не смог, слишком много было работы. Среди дел, которыми пришлось за-

ниматься руководству осенью-зимой 1933–1934 гг., стало и жестокое подавление Казымского восстания.

Новый административно-территориальный передел начался 17 января 1934 г. Постановлением ВЦИК РСФСР Остяко-Вогульский национальный округ был включен в состав новообразованной Обско-Иртышской области. Теперь Рознин и его семья сместились в Сибирь не только территориально, но и административно. Прежние связи, налаженные в Уральской области и Свердловске, где «разрешались» административные проблемы в одночасье, были разрушены. Острее вопросы снабжения округа теперь определял Омск, а не в Свердловск.

Весной 1934 г. начинался запланированный Розниным отпуск. Но он не состоялся. 6 мая 1934 г. Я. М. Рознин, только что перешагнувший 48-летний рубеж, скончался. За день до смерти президиум окрисполкома рассмотрел вопрос «Об отпуске по болезни тов. Рознина». Главу исполнительной власти округа на кладбище не хоронили. Его могила располагалась в центре города, рядом со зданием Окрисполкома, в котором он и трудился [*Ханты-Манчи Шоп, 1934*]. Потомки оказались не слишком благодарны к памяти Я. М. Рознина. В Ханты-Мансийске есть улица его имени и она располагается в районе «Перековки». Здесь когда-то жили спецпоселенцы... До сих пор неясен вопрос: где покоится прах этого человека? [*Патранова, 2010*].

В завершении предпринята попытка понять логику строителей нового мира: от царей до революционеров. Предложенная ниже схема (рис. 8) объясняет поступки основателя Остяко-Вогульского округа:

Социальное неблагополучие в России рубежа XIX–XX в. осознавалось многими. Оно порождало стремление, не всегда здоровое, к изменениям, личную ответственность за происходящее. Наложение русской культуры на европейский рационализм привело к победе крайних взглядов в массовом сознании. Жертвенное служение ради плохо представляемого будущего означало господство утопии. Невозможность её реализации в период после революции означала закономерное наступление догматизма и продолжение насилия. У экспериментаторов переплетались про-

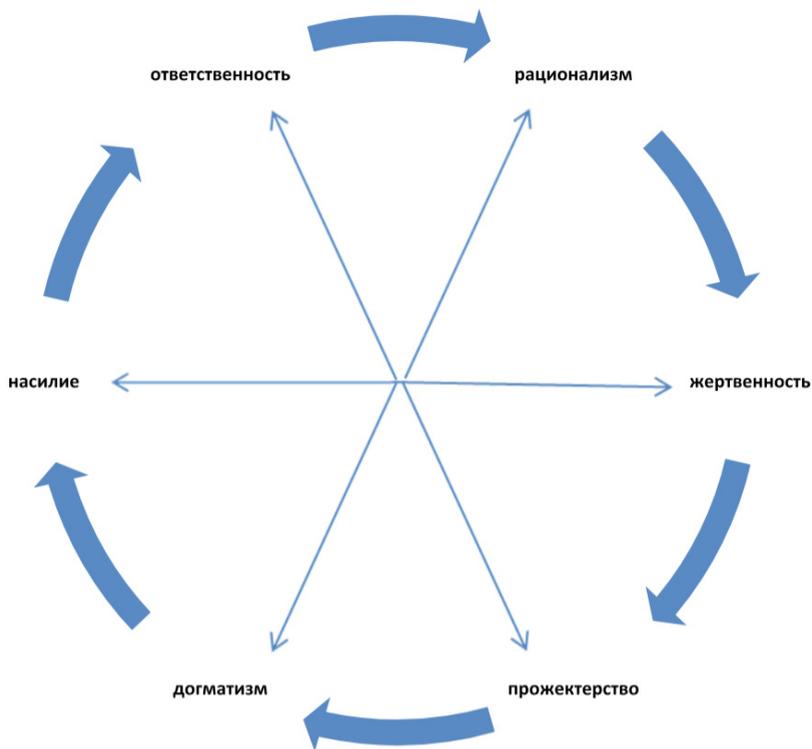

Рис. 8. Мотивационные предпочтения Я. М. Рознина

тивоположные черты: от палаческих до жертвенных, от высокой ответственности до прожекторства.

Мы не властны над прошлым, жестоким и благородным, наивным и целеустремленным. Оно, это прошлое, уже состоялось. И Петр Великий, и Яков Матвеевич были детьми своего времени. Они работали, не жалея себя и окружающих. Оба преждевременно ушли из жизни. Петра Алексеевича и Якова Матвеевича разделяют не столетия – целая эпоха. Объединяют, по существу, цели, во имя достижения которых возникли их города. Санкт-Петербург «открыл» для патриархальной России Европу. Остяко-Вогульск стал тем «мостом» из индустриальной европей-

ской России, который открыл глухомань Обь-Иртышского Севера с его патриархальными обычаями.

По сути, оба города – «лебединые песни» основателей, положивших силы на освоение почти не тронутых цивилизацией мест и закончивших здесь свой жизненный путь. Могли ли близкие экономические и культурные параметры рождений двух городов привести и к схожести в их дальнейших судьбах? Полагаем, что – да. После смерти преобразователя России быстро распалось единство «птенцов гнезда Петрова», а затем начались: борьба за власть, дворцовые перевороты, знаменитая бироновщина, царубийства. И в Остяко-Вогульске ближайшие сподвижники Рознина попали под каток репрессий. Только в Ханты-Мансийске сотни людей были расстреляны в 1937 г... Оба города тогда выступали в качестве коллективных палачей.

Трагическое время модернизационного рывка не могло продолжаться бесконечно долго. Далее наступал спад нечеловеческого напряжения. Он компенсировался духовными усилиями. Применительно к Петербургу это «золотой век» русского дворянства. А затем он плавно перешел в золотой век русской литературы. И дворян, и писателей объединяло тяготение к идеальным ценностям. Для них стали значимыми долг, честь, достоинство, поиски истины и служение. Отечественный интеллигент претендовал на нечто большее, чем заурядное исполнение обязанностей. Его амбиции простирались до судеб страны и высшей истины.

Сосредоточением и вещным эталоном классической дворянской и литературной культуры была столица Российской империи город Санкт-Петербург. И по мере уменьшения его экономического веса (формировались новые промышленные районы) у города Петра Великого возрастали жреческие функции. Нечто подобное происходило и происходит с городом Ханты-Мансийском. Открытие в 50–60-е гг. XX в. нефтяных и газовых месторождений, расположенных на востоке округа, привело к падению экономического значения Ханты-Мансийска. В основном за ним остались советско-партийные, представительские и идеологические функции.

Постперестроечный и постсоветский период истории столицы Югры задали новые изменения функций окружной столицы. Акценты сместились в культурную сферу. Наличие Биатлонного центра, кинофестиваля «Дух огня», великолепных музеев и возросший и интеллектуальный потенциал столицы Югры заставляют предположить, что новый этап в жизни этого города находится не за горами. Города, равно как и их образы, претерпевают социокультурную эволюцию, подчиненную единым закономерностям [44].

Определенные аналогии в судьбах городов Санкт-Петербурга и Ханты-Мансийска, схожесть процессов, которые происходили (и происходят!) при их становлении, близость городских образов и даже некоторое стилевое единство дают возможность столице Югры успешно заимствовать богатый исторический опыт Санкт-Петербурга. Подобно своему великому собрату, город Ханты-Мансийск стал привлекательным местом для желающих узнать Сибирь и Россию. Данный потенциал может быть реализован через разнообразные инициативы, вплоть до ограниченного использования ранее раскрученного бренда.

Заключение

Какова роль образов в самоидентификации конкретной территории или в её бренде? Ученые дискутируют. При этом теоретические построения не всегда подкреплены эмпирическими материалами. Преодоление данного «разрыва» – задача не из простых. Историческая память всегда вариативна. С одной стороны, регулярно «случаются» периоды забвения прошлого. А с другой – всегда «неожиданно» – всплески интереса к отечественному прошлому. И в том, и в другом случаях образы способны превращаться в недостоверные мифы, что провоцирует выбросы социального негатива. В то же время человеческое сообщество не способно отказаться от прошлого. Оно постоянно занято поиском необходимых ориентиров в историческом прошлом. Для того, чтобы двигаться дальше. Но – парадокс! – там не найти абсолютно точных указателей. Всё течет, всё меняется...

Автор книги воздержался от анализа всех значимых югорских образов, что невозможно в принципе. Мы не знаем, какая часть югорского наследия будет приоритетно востребована в будущем. Ясно лишь, что образы нашего прошлого должны отличаться яркостью, многомерностью, драматизмом и содействовать приращению культуры. С учетом данных обстоятельств и были выбраны основные сюжеты настоящей книги.

Несомненно, что образы исторического прошлого в современной Югре обладают способностью активно воздействовать на общественное сознание. Но их культурный потенциал сегодня используется еще не в полной мере. Причин недостаточной востребованности значимых образов немало и часть из них связана с проблематикой в локальных исторических изысканиях. Люди и очеловеченное пространство Югры, рассмотренные в динамике их судеб, интересны как для академических исследований, так для и наших эмоциональных оценок.

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

Государственный архив города Шадринска (ГАШ): Ф. р-209. Оп. 1. Д. 97. Ф. р-82. Оп. 1. Д. 1. Ф. и-243. Оп. 1. Д. 1. Ф. р-1070. Ф. р-168. Оп. 1. Д. 55. Оп. 5. Д. 1. Ф. и-8. Оп. 1. Д. 23.

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО): Ф. 13. Оп. 1. Д. 13, 154. Ф. 80. Оп. 3. Д. 1094. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Оп. 2. Д. 4, 5.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО): Ф. 561-р. Оп. 1. Д. 71.

Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГАОЮ): Ф. 1. Оп. 1. Д. 15, 32 «а». Ф. 499. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 7.

Литература

Абрамов И. Золотоискатель Константин Носилов // Уральский следопыт. 2018. № 6 (732). С. 18–24.

Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. М.: Фактория Арктики, 1998. 256 с.

Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург, 2002. 304 с.

Алексеев В. В. Историческое наследие Югры как ресурс социально-экономического развития // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 6–16.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Атлас истории Татарстана и татарского народа. М.: Издательство ДИК, 1999. 64 с.

Базаров А. А. Дурелом или господа колхозники. Книга первая. Курган: Зауралье, 1997. 416 с.

Базырчап А.-Х. О. Освоение пространства вокруг традиционного жилища у оленеводов Тувы (по материалам полевого исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2016. № 1. С. 104–119.

Бирюков В. П. Избранные труды. Шадринск: Исеть, 2008. 624 с.

Вершинин Е. В. Челобитные сибирских служилых людей XVII в. (Материалы к биографиям // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. [Вып. 5]. С. 15–25.

Вехов Н. В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870–1910-е годы). Шадринск: Исеть, 2000. 71 с.

Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.

Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.

Гарбузов В. И. Концепция инстинктов и психосоматическая патология: Наднозологическая диагностика и терапия психосоматических заболеваний и неврозов. СПб.: «СОТИС» 1999. 320 с.

Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб.: Имп. академия наук, 1799. 76 с.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Головнёва Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 167. № 12 (3). С. 182–189.

Головнёва Е. В. Регулятивный компонент региональной идентичности: стратегии, ориентации и практики в Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 144–151.

Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.

Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану о нехватке и бедности духовенства в Сибири, о притеснениях воевод, подьячих, служилых и других неправдах // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 178–181.

Гукова Е. Осиновское: от волости до сельского совета. В 2-х т. Т. 1. История колхоза им. Калинина. Курган, 2016. 256 с.

Гумилёв Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб.: ЮНА, 1992. 272 с.

Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.

Дементьева Н. Это начиналось так // Югра. 2000. № 11. С. 24–25.

Дёмин М. А. Историописание и проблема превращения исторических знаний в науку // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 248–265.

Донских К. Н. Константин Дмитриевич Носилов: биографический очерк // Исетский край. Сборник краеведческих статей. Шадринск: Долматовское общество краеведения, 1931. Вып. 2. С. 79–114.

Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.: Едиториал УРСС, 2010. 384 с.

Ерёмин А. С., Корнилов Г. Е. Коллективизация ирбитского крестьянства // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2000. С. 101–127.

Ершов М. Ф. Югра: от образа пространства к бренду округа // Актуальные проблемы развития социально-экономической сферы региона: история и современность: Сб. мат. междунар. науч. конф. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. С. 6–11.

Ершов М. Ф. Я. М. Рознин: материалы к биографии // Вестник угроведения. 2014. № 1 (16). С. 130–142.

Ершов М. Ф. Историко-психологические аспекты биографии К. Д. Носилова // Вестник угроведения. 2015. № 3. С. 106–118.

Ершов М. Ф. На пороге Сибири: социокультурная трансформация образов Югры // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 329–337.

Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов человеческого пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013а. 276 с.

Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция восприятия русскими аборигенного населения Югры // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 539–548.

Ершов М. Ф. Югра в Большой России: исторические и геополитические аспекты // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 126–134.

Ершов М. Ф. Яков Матвеевич Рознин // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 4. (дополнительный). А – Я. Ханты-Мансийск, 2005. С. 254.

Ершов М. Ф., Герасимчук О. В. Яков Матвеевич Рознин: материалы к биографии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв. Сб. мат. межрегион. научн. конф. Курган, 2004. С. 20–23.

Закомельский П. К вопросу о религиозно-нравственном состоянии остяков // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 216–221.

Замятин Д. Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. Приложение «НГ– наука». 2010. 22.09. С. 14.

Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 7–26.

Зауральское крестьянство. 1919–1923 гг. Материалы и документы. Курган: Зауралье, 2008. 216 с.

Зубков К. И. Колонизация как фактор социально-исторического развития // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 15–24.

Инфантьев П. Сибирские рассказы. М.: Изд.-е редакции журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок», 1909. 160 с.

Иоанн Ильичев Сергиев (Кронштадтский). Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. М.: Локид-пресс, 2008. 415 с.

Истомин К. В. Реки и дороги: пространственное поведение и мышление у различных групп населения // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат. всерос. научн. конф. (Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 349–352.

Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М.: Университетская тип., 1897. 329, 208 с.

Каган М. С. Проблемы методологии гуманитарного знания. Избр. труды. М.: Юрайт, 2018. 321 с.

Казначеева Т. А. Концепт «Genius loci» в межкультурном аспекте // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13. С. 180–184.

Кивельсон В. Картография царства. Земля и её значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

Комаров П. На краю России // Поэзия периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.: Советская Россия, 1990. С. 224–225.

Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.

Кульпин Э. С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М., 2004. С. 127–158.

Лапин В. Армия России на Кавказе: Приватизация войны // Новое литературное обозрение. 2008. № 5 (93). С. 180–195.

Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. № 9. С. 89–92.

Липатова Л. Носилов Константин Дмитриевич. Писатель, путешественник, инициатор первой экспедиции на полуостров Ямал (1858–1923) // Электронный ресурс: Губкинская централизованная библиотечная система. URL: www.gcbs.ru/tum/issled_Sibiri/Nosilov.html (дата обращения: 19.02. 2015).

Литовская М. А. «Русское», «чужое», «враждебное» в повестях Татьяны Молдановой // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. Вып. 14. С. 235–242.

Маккиндер Х. Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 152–157.

Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

Маняхина М. Р. Девиантные проявления в нормативной сфере культуры Сибири в начале XVII в. как предпосылки учреждения Тобольской епархии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв.: Сб. мат. межрегион. научн. конф. Курган, 2004. С. 33–39.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.

Михайлин В. О необходимости пирата: краткое введение в пиратологию // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (94). С. 85–94.

Морозов В. М., Пархимович С. А., Шашков А. Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: «Волот», 1995. 192 с.

Мурзина А. И. Манси (вогулы) в XVIII веке и в первой половине XIX века // Учен. Зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. фак-та народов Севера. 1953. Вып. 2. № 157. С. 215–236.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. 107 с.

Носилов К. Вешний лед // Шадринский гусь. 1994. № 2. С. 5–7.

Носилов К. Земская больница // Новое время. 1907. № 13 (26).

Носилов К. Как люди женятся. Рассказ из сибирских нравов // Русская мысль. 1896. Кн. VII. С. 75–86.

Носилов К. Д. Божьи люди. Рассказы. М.: Изд-во журнала «Юная Россия», 1915а. 39 с.

Носилов К. Д. В защиту обских инородцев // Восточное обозрение. 1885. № 13. С. 8–9.

Носилов К. Д. В лесах. Рассказы и очерки. М: Тип. К. Л. Меньшова. Изд-во журнала «Юная Россия», 1910. 70 с.

Носилов К. Д. Горь-рыболов // Читальня народной школы. 1911а. Вып. IV и V (апрель и май). С. 1–26.

Носилов К. Д. Золотое время. Очерки и рассказы. М.: Изд-во Д.И. Тихомирова, 1908а. 140 с.

Носилов К. Д. На диком Севере. Первый сборник рассказов. М.: Типолиотография Русского общества. Изд-во Д. И. Тихомирова, 1908б. 115 с.

Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М.: Изд.-е А. С. Суворина, 1903. 330 с.

Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997а. 368 с.

Носилов К. Д. На охоте. Очерки и рассказы. М.: Изд-во журнала «Юная Россия», 1911б. 93 с.

Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: Софт-Дизайн, 1997б. 304 с.

Носилов К. Д. У дикарей. Рассказы. М.: Тип. К. Л. Меньшова; Изд-во журнала «Юная Россия», 1915б. 74 с.

О сельскохозяйственных артелях, организованных по проекту Н. Г. Федорова // Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию XXIV очередной сессии. Пермь, 1894. С. 416–433.

Образ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 432.

Огрызко В. В. Североведы России: Материалы к биографическому словарю. М.: Литературная Россия, 2007. 560 с

Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь: Кудымкар. тип-я, 1971. 131 с.

Окружное совещание по поднятию урожайности // Шадринская окружная крестьянская газета. 1928. № 148 от 23 декабря.

Омельчук А. К. К. Носилов. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1989. 240 с.

Осинцев Л. П. Носиловские дачи. Курган: Периодика, 1993. 104 с.

Охапкин Ю. Д. Зауральский странник: материалы к биографии К. Д. Носилова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. 220 с.

Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот, 2000. 408 с.

Панферов Ф. Собр. соч. в шести т. Т. I. М.: Правда, 1986. 480 с.

Патранова В. В списках значились... // Югра. 2013. № 12. С. 72–75.

Патранова В. Наш первый «губернатор» // Новости Югры. 2010. № 190 (18216) от 9 декабря. С. 11.

Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920 гг.). Шадринск: Изд. ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2007. 296 с.

Пестерев В. В. Этногеографические стереотипы как фактор колонизационных процессов (на примере промышленного освоения Урала // Емельяновские чтения. Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Мат. Всеросс. научно-практ. конф. Курган, 2008. С. 24–25.

Письмо в редакцию // Пермские губернские ведомости. 1907. От 17 окт.

Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., Ньютонвилль: Археографический центр, 1993. 160 с.

Повод Н. А. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.

Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: Полномочия, функции, структура: Сб. док. Ханты-Мансийск, 2002.

Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Новосибирск. гос. пед. ун-т, 2006. 343 с.

Рознин. К пленуму Окрисполкома. Вопросы колхозного строительства // Шадринская окружная крестьянская газета. 1928. № 51. 4 мая.

Рознин. Наши недочеты // Трудовая правда (Шадринск). 1922а. № 54. 7 ноября. С. 2.

Рознин. Почему Октябрьский праздник важнее поповских для крестьянства? // Трудовая правда (Шадринск). 1922б. № 41. 4 ноября. С. 2.

Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.

Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Службы сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова // История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века. Хрестоматия. Екатеринбург: НПМП «Волот». С. 82–83.

Соколова З. П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России 8–11 июня 1999 г. Тез. докл. М., 1999. С. 29–36.

Соколова З. П. Путешествие в Югру. М.: Мысль, 1982. 173 с.

Соколова З. П. Страна Югория. М.: Мысль, 1976. 119 с.

Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера // Советская этнография. 1983. № 1. С. 76–87.

Солодкин Я. Г. Сургутский атаман Тугарин Федоров: к спорам о некоторых эпизодах военной и административной деятельности // Альманах «Казачество». 2016. № 24. С. 7–14.

Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск: Изд. центр «Агро». Изд. группа «Солярис», «ЦЭ-РИС», 2001. 124 с.

Сподина В. И. Человек в традиционной картине мира (на материалах обских угров и самодийцев). Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 350 с.

Справочник по истории Коммунистической партии и Советского союза 1898–1991 // URL: www.knowbysight.info/RRR/08637.asp. (дата обращения: 10.12.2013).

Стародубова О. В. Современные представления ханты Р. Тром-Аган о болезни и способах её устранения (по материалам полевых исследований) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат. всерос. научн. конф. (Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.). Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 419–422.

Терюков А. И. Антал Регули: между Западом и Востоком в поисках прародины венгров // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 118–122.

У нас в Шадринске. Ужасы тюрьмы или «невинные» развлечения воров, бандитов, заключенных в исправдом // Рабоче-Крестьянская правда (Шадринск). 1927. № 98. 9 сентября. С. 4.

Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). 1932. № 62 от 10 октября.

Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). 1933. № 31 от 4 апреля.

Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). 1934. № 46–47 от 12 мая.

Черников М. В., Перевозчикова Л. С. Категории «правда» и «истина» в русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 141–157.

Честертон Г. К. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. 544 с.

Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда. М.: О-во истории и древностей российских при Москов. ун-те, 1871. 21 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. 368 с.

Ядринцев Н. М. Соч.: Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

Якушенков С. Н. Семантическое разнообразие образов индейца в Новой Англии в XVII в. // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 3. С. 82–98; 2018. № 1. С. 91–120.

Berlin I. Four Essays on Liberty. London: Oxford University Press, 1969. 212 p.

Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // Theory and Society. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1–47.

Eisenstadt S.N. Modernity and the construction of collective identities // *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. No 1. Pp. 138–158.

Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge University Press, 1994. 190 p.

Keen S. *Faces of the Enemy. Reflections on Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1986. 199 p.

Lippmann W. *Public Opinion*. – New York: Filiquarian Publishing, LLC., 2007. 127 p.

Mitcell W.J.T. *Imperial Landscape // Landscape and Pover*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 5–34.

Wortman R. S. *Ceremony and Empire in the Evolution of Russian Monarchy // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов: Сб. ст. М.: ОГИ, 1997. С. 24–39.*

Said E.W. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979. 367 p.

В качестве иллюстраций использованы материалы сети Интернет, находящиеся в открытом доступе.

Научное издание

Ершов Михаил Федорович
**Очеловеченное пространство:
образы и люди Югры**

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел. 334-991. E-mail: pmhm@bk.ru.
Печать цифровая. Бумага 80 гр. Гарнитура «Times New Roman».
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 6,63. Подписано в печать 30.11.2018.
Тираж 100 экз.